

ДЖАНЕТ СКЕСЛИН ЧАРЛЬЗ

Незабываемая история о любви,
дружбе, семье и силе книг, основанная
на реальных фактах.

БИБЛИОТЕКА

В

ПАРИЖЕ

Роман

Азбука-бестселлер

Джанет Скеслин Чарльз
Библиотека в Париже

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Чарльз Д.

Библиотека в Париже / Д. Чарльз — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-18909-6

Париж, 1939 год. Одиль Суше, казалось, достигла предела своих мечтаний: у нее есть любимый человек, верная подруга, обожаемый брат и замечательная работа в Американской библиотеке. Но оккупация Парижа нарушает обычный уклад жизни, и девушка теряет почти все, что ей дорого. Вместе со своими коллегами-библиотекарями она участвует в Сопротивлении, используя лучшее оружие, которое у них имеется: книги. Но впереди ее ждет яд предательства и горечь утраты. Монтана, 1983 год. Одиль ведет замкнутую жизнь в маленьком городке. Тринадцатилетнюю Лили ужасно интересуется одинокая пожилая соседка. Когда они становятся друзьями, Одиль видит себя в Лили: та же самая любовь к языку, те же самые желания, та же самая смертельная ревность... Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-18909-6

© Чарльз Д., 2020

© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Глава 1. Одиль	6
Глава 2. Лили	11
Глава 3. Одиль	21
Глава 4. Лили	26
Глава 5. Одиль	32
Глава 6. Одиль	38
Глава 7. Маргарет	40
Глава 8. Одиль	42
Глава 9. Одиль	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Джанет Чарльз

Библиотека в Париже

Janet Skeslien Charles
The Paris Library

© 2020 by Janet Skeslien Charles

© Т. В. Голубева, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается моим родителям

Глава 1. Одиль

Париж, февраль 1939 года

Числа плывут в моей голове, как звезды. 823. Числа были ключом к новой жизни. 822. Созвездиями надежды. 841. В моей спальне поздно ночью, утром, по дороге за круассанами, серия за серией: 810, 840, 890 – они возникали перед моими глазами. Они олицетворяли свободу, будущее. А вместе с числами я изучала историю библиотек, начиная с 1500-х годов. Пока в Англии Генрих VIII был занят тем, что рубил головы своим женам, наш король Франциск I модернизировал свою библиотеку, которую открыл затем для ученых. Его королевская коллекция стала началом Национальной библиотеки. Теперь, сидя за письменным столом в своей спальне, я готовилась к рабочему собеседованию в Американской библиотеке, в последний раз просматривая свои заметки: основана в 1920 году, первой в Париже допустила читателей в хранилища, получает издания более чем из тридцати стран, четверть всего – из Франции. Я крепко держала в памяти эти факты и числа, надеясь, что они помогут мне выглядеть перед директрисой вполне квалифицированной.

Я вышла из нашей квартиры на закопченной рю де Ром, напротив вокзала Сен-Лазар, где локомотивы кашляли дымом. Ветер трепал мои волосы, и я заправила их под шерстяной берет. Вдали я видела эбонитовый купол церкви Святого Августина. Религиозные учения, 200. Ветхий Завет, 221. А Новый Завет? Я подождала, но число не появилось. Из-за волнения я забывала простые факты. Достала из сумки блокнот. Ах да, 225. Я же это знала!

Моей любимой темой при изучении библиотечного дела была десятичная классификация Дьюи. Ее придумал в 1873 году американский библиотекарь Мелвил Дьюи. В этой классификации использовались десять классов для организации библиотечных книг на полках в соответствии с темами и имелись номера для всего, что позволяло любому читателю найти любую книгу в любой библиотеке. Например, маман гордилась своими знаниями в числе 648 (домашнее хозяйство). Папа́ это не интересовало, но он искренне наслаждался числом 785 (камерная музыка). Мой брат-близнец склонялся к числу 636.8, а я предпочитала 636.7 (кошки и собаки соответственно).

Я дошла до Больших Бульваров, где посреди кварталов город сбрасывал с плеч рабочую одежду и надевал норковую шубку. Тяжелый запах угля рассеялся, сменившись сладким жасминовым ароматом, исходившим от женщин, которые восхищались витринами с платьями от Нины Риччи и зелеными кожаными перчатками от «Кислав». Потом я обогнула музыкантов, толпившихся вокруг магазина, где распродавали помятые листы нот, миновала здание в стиле барокко, с синей дверью, и повернула за угол, на узкую боковую улочку. Дорогу я знала наизусть.

Я любила Париж, город со множеством тайн. Подобно книжным переплетам, то кожаным, то коленкорovým, каждая парижская дверь вела в непредсказуемый мир. Во внутренних дворах могли обнаружиться велосипеды или пухлая консьержка, вооруженная метлой. В случае библиотеки массивная деревянная дверь открывалась в потайной садик. Посыпанная белым гравием дорожка, окаймленная петуниями с одной стороны и лужайкой с другой, вела к особняку из камня и кирпича. Я перешагнула порог под французским и американским флагами, развевавшимися бок о бок, и повесила жакет на старую настенную вешалку. Вдыхая лучший в мире запах – смесь ароматов слегка заплесневелых старых книг и свежих хрустящих газетных листов, – я почувствовала себя так, словно пришла домой.

Поскольку до времени встречи оставалось еще несколько минут, я обогнула абонементный стол, за которым неизменно добродушная библиотекарь выслушивала читателей. «Где вообще в Париже парень может найти хороший бифштекс?» – спрашивал новичок в ковбой-

ских сапогах. «Почему это я должна платить штраф, если даже не дочитала книгу?» – сварливо интересовалась мадам Симон. И наконец я вошла в тихий и уютный читальный зал.

За столом у французского окна профессор Коэн читала газету, из скрученных узлом волос беспечно торчало павлинье перо, а мистер Прайс-Джонс, попыхивая трубкой, задумался над «Таймс». В обычном случае я бы поздоровалась, но, нервничая из-за собеседования, предпочла спрятаться среди полок в любимой секции. Мне нравилось находиться в окружении разных историй, отчасти древних, как само время, отчасти изданных лишь в прошлом месяце.

Я подумала, что могла бы поискать роман для моего брата. В последнее время я все чаще и чаще в любой час ночи могла проснуться оттого, что он щелкает по клавишам пишущей машинки. Если Реми не писал статьи о том, как Франция должна помогать беженцам, изгнанным из Испании гражданской войной, он писал о том, что Гитлер намерен захватить всю Европу так же, как захватил часть Чехословакии. Единственным, что могло заставить Реми забыть о его тревогах – тревогах за других, – была хорошая книга.

Я провела пальцами по корешкам. Доставая книги одну за другой, я стала открывать их наугад. Я никогда не судила о книге по ее началу. Это ощущалось бы как первое и последнее свидание, которое однажды мне выпало, – мы оба улыбались уж слишком весело. Нет, я открывала книгу на середине, где автор уже не старался произвести на меня впечатление. «Есть в жизни тьма, а есть и свет, – прочла я. – И ты – это свет, свет всего света». Oui. Merci, мистер Стокер. Это я и сказала бы Реми, если бы могла.

Теперь я опаздывала. Поспешно вернувшись к абонементному столу, я подписала карточку и сунула «Дракулу» в сумку. Директриса уже ждала меня. Как всегда, ее каштановые волосы были уложены в узел, в руке она держала серебряную ручку.

Мисс Ридер знали все. Она писала статьи для газет и выступала на радио, приглашая всех в библиотеку – студентов, учителей, солдат, иностранцев и французов. Она была твердо убеждена, что здесь найдется местечко для каждого.

– Я Одиль Суше. Простите, что опоздала. Я пришла немного раньше, но потом открыла книгу...

– Чтение – опасное занятие, – с понимающей улыбкой откликнулась мисс Ридер. – Пойдемте в мой кабинет.

Я последовала за ней через читальный зал, где хорошо одетые читатели опустили свои газеты, чтобы взглянуть на прославленную директрису. Потом мы поднялись по винтовой лестнице, прошли по коридору через священное крыло «Только для персонала» к ее кабинету, где пахло кофе. На одной из стен висела большая фотография города, сделанная с воздуха. На ней кварталы выглядели как шахматная доска, совершенно не напоминая извилистые парижские улочки.

Заметив мой интерес, директриса сказала:

– Это Вашингтон, округ Колумбия. Мне приходилось работать в Библиотеке Конгресса.

Она жестом предложила мне сесть, а сама села за свой стол, заваленный бумагами. Одни из них пытались выскользнуть из-под подноса, другие удерживал на месте дырокол. На углу стоял блестящий черный телефон. Рядом с мисс Ридер на стуле громоздились книги. Я заметила среди них романы Исак Динесен и Эдит Уортон. Из каждой книги выглядывала закладка – довольно яркая лента, – приглашая директрису вернуться к чтению.

Каким читателем была мисс Ридер? В отличие от меня она бы, пожалуй, никогда не оставила книгу открытой из-за отсутствия закладки. И не позволила бы книгам скапливаться под ее кроватью. Она могла бы читать четыре или пять одновременно. В ее сумке наверняка лежит какая-нибудь книга, чтобы читать ее в автобусе, катящем через город, – из тех, которые она считает лучшими друзьями и спрашивает у них совета. И еще из тех, о которых никто и не слышал, – это ее тайное наслаждение в дождливый воскресный день...

– Кто ваш любимый автор? – спросила мисс Ридер.

Кто ваш любимый автор? На такой вопрос невозможно ответить. Разве может человек выбрать кого-то одного? Вообще-то, мы с моей тетушкой Каро разработали категории: авторы умершие и здравствующие, затем иностранные, французские и так далее, – чтобы избежать необходимости выбора. Я подумала о тех книгах в читальном зале, к которым прикасалась несколько мгновений назад, о книгах, которые коснулись меня. Я восхищалась образом мысли Ральфа Уолдо Эмерсона: «Я не одинок, пока читаю и пишу, хотя никого нет рядом со мной», а еще Джейн Остин. Хотя эта писательница принадлежала к XIX веку, для многих современных женщин все было так же: их будущее определяли те, за кого они выходили замуж. Три месяца назад, когда я сообщила своим родителям, что мне не нужен муж, папá лишь фыркнул и тут же начал каждое воскресенье приглашать к обеду кого-нибудь из своих подчиненных. Он словно подавал его на большом блюде, как маман подавала жареную индейку, посыпанную петрушкой: «Марк не пропустил ни одного рабочего дня, даже когда болел гриппом!» Или...

– Вы вообще ведь читаете?

Папá всегда считал, что у меня язык работает быстрее ума. И я, чувствуя досаду, наконец ответила на первый вопрос мисс Ридер:

– Из ныне покойных авторов мой любимый – Достоевский, потому что мне нравится его Раскольников. Он не единственный, кто хотел бы стукнуть кого-нибудь по башке.

Последовало молчание.

Ну почему я не ответила нормально – не назвала, например, Зору Нил Херстен, мою любимицу среди современных авторов?

– Было честью для меня познакомиться с вами...

Я направилась к двери, понимая, что собеседование закончено.

Когда мои пальцы уже коснулись фарфоровой ручки двери, я услышала голос мисс Ридер:

– «...отдайтесь жизни прямо, не рассуждая; не беспокойтесь – прямо на берег вынесет и на ноги поставит».

Мои любимые строки из «Преступления и наказания». 891.73. Я обернулась.

– Большинство кандидатов говорят, что их любимый автор – Шекспир, – сказала мисс Ридер.

Единственный автор, у которого есть собственный номер в классификации Дьюи.

– Некоторые упоминают «Джейн Эйр».

Это и было бы нормальным откликом. Почему я не назвала Шарлотту Бронте или любую из Бронте, если уж на то пошло?

– Мне тоже нравится Джейн. Сестры Бронте делят один номер – 823.8.

– Но ваш ответ мне понравился.

– Вот как?

– Вы сказали то, что чувствовали, а не то, что, как вы могли подумать, мне хотелось услышать.

Это было правдой.

– Не бойтесь отличаться от других. – Мисс Ридер наклонилась вперед; ее взгляд, умный, уверенный, встретился с моим. – Почему вы хотите работать здесь?

Я не могла назвать ей настоящую причину. Это прозвучало бы ужасно.

– Я выучила десятичную систему Дьюи и окончила библиотечную школу.

Мисс Ридер посмотрела на вкладыш к моему диплому:

– У вас впечатляющие оценки. Но вы не ответили на мой вопрос.

– Я читательница этой библиотеки. Люблю английский язык...

– Это я и так вижу, – произнесла она, и в ее тоне прозвучал оттенок разочарования. – Спасибо, что не пожалели времени. Мы сообщим вам о решении через несколько недель.

Уже выйдя во двор, я огорченно вздохнула. Наверное, следовало признаться, почему я хочу получить эту работу.

– Что случилось, Одиль? – спросила профессор Коэн.

Я обожала ее лекции по английской литературе, она читала их в Американской библиотеке, их слушали стоя. Постоянно с пурпурной шалью на плечах, профессор делала доступными самые обескураживающие книги, вроде «Беовульфа», ее лекции были живыми, приправленными лукавым юмором. Коэн сопровождал шлейф скандалов, вместе с сиреновой ноткой ее духов. Говорили, что мадам профессор родом из Милана. Что она была прима-балериной, бросившей и звездную карьеру, и скучного мужа, чтобы сбежать с любовником в Браззавиль, в Конго. Когда же Коэн одна вернулась в Париж, то начала учиться в Сорбонне, где, как Симона де Бовуар, сдала l'agrégation, невероятно трудный государственный экзамен, чтобы получить право преподавать в высшей школе.

– Одиль?..

– Я выглядела дурой на собеседовании по приему на работу.

– Такая умная молодая женщина, как вы? А вы сказали мисс Ридер, что не пропустили ни одной моей лекции? Вот бы все мои студенты были такими же преданными!

– Мне не пришло в голову упомянуть об этом.

– Как и обо всем, что вы хотите ей рассказать в благодарственной записке.

– Она меня не возьмет.

– Жизнь – это схватка. Вы должны сражаться за то, чего желаете.

– Я не уверена...

– А я уверена, – возразила профессор Коэн. – Подумайте о тех старомодных мужчинах в Сорбонне, которые точно так же нанимали меня. Я чертовски потрудились, чтобы убедить их: женщина способна читать университетские курсы лекций!

Я посмотрела на нее. Прежде я замечала только пурпурную шаль профессора. А теперь увидела ее стальные глаза.

– Быть настойчивой совсем неплохо, – продолжила Коэн. – Хотя мой отец жаловался на то, что я всегда оставляю за собой последнее слово.

– Мой тоже... Он называет меня неумолимой.

– Так используйте это свое качество.

Она была права. Героини моих любимых книг никогда не сдавались. Профессор Коэн считала, что я должна выразить свои мысли в письме. Конечно, написать все гораздо легче, чем высказать лицом к лицу. Я могу зачеркивать написанное и начинать сначала хоть сотню раз, если понадобится.

– Вы правы... – ответила я.

– Конечно я права! Я сообщу директрисе, что вы всегда задаете на моих лекциях самые интересные вопросы, а вы не сомневайтесь, что все получится.

И, резко развернувшись, отчего ее шаль взлетела в воздух, профессор быстрым шагом вернулась в библиотеку.

Как бы плохо я себя ни чувствовала, кто-нибудь в Американской библиотеке всегда умудрялся помочь мне и исправить мои ошибки. Эта библиотека была не просто стенами и книгами, ее основой были заботливые люди. Я могла проводить время и в других библиотеках, с их жесткими деревянными стульями и их вежливыми «Bonjour, мадемуазель. Au revoir, мадемуазель». Ничего плохого не было в этих bibliothèques, им просто не хватало духа товарищества. Но Американскую библиотеку я ощущала как свой дом.

– Одиль! Подождите!

Это был мистер Прайс-Джонс, отставной английский дипломат, в своем вечном шотландском галстуке-бабочке, за ним следовала составитель каталога миссис Тернбулл, с неровной голубовато-серой челкой. Должно быть, профессор Коэн сообщила им о моем унынии.

– Ничего не потеряно. – Мистер Прайс-Джонс неловко похлопал меня по спине. – Вы победите директрису. Просто составьте список ваших доводов, как сделал бы любой дипломат, и приправьте все как следует.

– Да бросьте вы нянчиться с девочкой! – воскликнула миссис Тернбулл. – В моем родном Виннипеге мы привыкли к напастям. Это нас закаляет. Зимой, когда температура падает ниже сорока градусов, вы бы не услышали, что мы жалуемся, в отличие от американцев... – Вспомнив причину, по которой она вышла во двор, то есть возможность кого-то поучить, миссис Тернбулл помахала перед моим лицом костлявым пальцем. – Встряхнитесь и не принимайте отказа!

Улыбнувшись, я осознала, что дом – это такое место, где не существует тайн. Но я улыбалась. Это уже было кое-что.

Вернувшись к себе и уже не волнуясь, я написала:

Дорогая мисс Ридер!

Спасибо, что поговорили со мной о работе. Я волновалась перед собеседованием. Ваша библиотека значит для меня больше, чем любое другое место в Париже. Когда я была маленькой, моя тетя Каролина водила меня на Час чтения. Именно благодаря ей я выучила английский и полюбила Американскую библиотеку. И хотя моей тетушки уже нет, я продолжаю находить ее в Американской библиотеке. Я открываю книги и заглядываю в кармашки на внутренней стороне переплета, надеясь увидеть ее имя на карточке. Когда я читаю те же романы, что читала она, у меня возникает чувство, что мы по-прежнему близки.

Американская библиотека – мой рай. Я всегда нахожу уголок среди стеллажей, где могу остаться одна, читать и мечтать. Мне хочется знать, что у любого есть такой же шанс, а в особенности у людей, чувствующих себя не такими, как все, и нуждающихся в месте, которое могут назвать домом.

Я написала внизу свое имя, завершив таким образом собеседование.

Глава 2. Лили

Фройд, Монтана, 1983 год

Ее звали миссис Густафсон, и она жила по соседству. За глаза местные называли ее Военной Невестой, но мне она не казалась похожей на невесту. Прежде всего, она никогда не носила белого. И она была старой. Старше моих родителей. Все знают, что у невесты должен быть жених, но ее муж давно умер. И хотя миссис Густафсон свободно говорила на двух языках, она ни с кем не разговаривала. Она жила здесь с 1945 года, но на нее всегда смотрели как на женщину, приехавшую невесту откуда.

Она была единственной военной невестой во Фройде, точно так же как доктор Станчфилд был единственным врачом. Иногда я тайком заглядывала в ее гостиную, где даже столы и стулья были иностранными – изящные, как мебель в кукольном домике, с изогнутыми ореховыми ножками. Я совала нос в ее почтовый ящик, куда бросали письма издалека, из Чикаго, – все они были адресованы мадам Одиль Густафсон. В сравнении с известными мне именами, вроде Триши и Тиффани, «Одиль» звучало экзотично. Люди говорили, что она приехала из Франции. Желая разузнать о ней побольше, я изучила в энциклопедии все статьи о Париже. Я прочитала о серых горгульях на соборе Парижской Богоматери и о Триумфальной арке Наполеона. Но ничто из прочитанного не могло дать ответа на мой вопрос: что именно делало миссис Густафсон такой непохожей на всех?

Она была совсем не такой, как другие леди во Фройде. Они были пухленькими, как птички крапивники, в серых растянувшихся свитерах и скучных туфлях. Некоторые леди отправлялись в бакалейную лавку с бигуди на голове, но миссис Густафсон даже мусор выносила одетая по-воскресному – в плиссированную юбку и туфли на высоком каблуке. Ее талию подчеркивал красный пояс. Всегда. И она красила губы яркой помадой, даже идя в церковь. «Очень уж она высокого о себе мнения», – говорили другие леди, когда она шла к своей скамье впереди, а глаза ее при этом скрывала шляпка-колокол. Никто больше не носил шляпок. И большинство прихожан предпочитали занимать задние скамьи, не желая привлекать к себе внимание Господа. Или священника.

В то утро Мелони Железный Воротник предложил нам помолиться за 269 пассажиров «Боинга-747», сбитого советскими ракетами К-8. Президент Рейган сообщил нам по телевизору о нападении на самолет, летевший с Аляски в Сеул. И под перезвон церковных колоколов в моих ушах звенели его слова: «Грех, потрясение, гнев... Советский Союз нарушает все законы о правах человека... нам не стоит удивляться такой нечеловеческой жестокости...» Он словно утверждал, что русские готовы убить любого, не исключая детей.

Даже здесь, в Монтане, холодная война заставляла нас содрогаться. Дядя Уолт, работавший на военной авиабазе в Малмстроме, говорил, что на наших равнинах усажены, как картошка, больше тысячи межконтинентальных баллистических ракет. Прячась под круглыми цементными сводами, ядерные боеголовки терпеливо ждали своего часа. Дядя хвастал, что эти ракеты куда мощнее тех бомб, что уничтожили Хиросиму и Нагасаки. Он говорил, что ракеты такого типа сами находят вражеские ракеты, так что советские бомбы обойдут Вашингтон и устремятся к нам. А в ответ взлетят наши и ударят по Москве быстрее, чем я успею собраться в школу.

После мессы прихожане разбрелись по улице, чтобы выпить кофе, съесть пончик и посплетничать с приятелями. Мы с мамой тоже встали в очередь. У прилавка кофейни папа и другие мужчины собрались вокруг мистера Иверса, президента банка. Папа работал там шесть дней в неделю в надежде стать вице-президентом.

– Советы никому не позволят искать тела погибших. Чертовы выродки!

– Когда президентом был Кеннеди, расходы на оборону были на семьдесят процентов выше!

– Мы для них легкая добыча!

Я слушала не прислушиваясь. В бесконечных тревогах из-за холодной войны такие мрачные разговоры служили постоянным сопровождением воскресных дней. Быстро положив на свою тарелку пончики, я с запозданием сообразила, что мама тяжело дышит. Обычно, когда у нее случался приступ, она тут же находила причину: «На фермах собирают урожай, из-за пыли в воздухе астма обостряется», или: «Отец Мелони так размахивал своей кадильницей, словно пытался продезинфицировать все вокруг». Но на этот раз она просто сжала мою руку, ничего не объясняя. Я быстро подвела ее к ближайшему столу и усадила рядом с миссис Густафсон. Мама тяжело опустилась на металлический стул и заставила меня сесть рядом.

Я попыталась привлечь внимание папы.

– Все в порядке. Не устраивай суету, – сказала мама, явно желая, чтобы я уgomонилась.

– Это настоящая трагедия, то, что случилось с теми людьми в самолете! – заявила сидевшая за соседним столиком миссис Иверс.

– Вот поэтому я и сижу на месте, – заявила миссис Мердок. – Начнешь болтаться по миру – угодишь в неприятности.

– Да там ведь погибло множество невинных людей! – вмешалась я. – Президент Рейган сказал, даже какой-то конгрессмен летел в том самолете!

– Ну, одним нахлебником меньше. – Миссис Мердок впиалась коричневыми зубами в пончик.

– Это отвратительно! Нельзя так говорить! – возмутилась я. – Люди имеют право летать на самолетах без всякого риска!

Миссис Густафсон посмотрела мне в глаза. И кивнула, словно мои мысли имели какое-то значение. Хотя я постоянно развлекалась, наблюдая за ней, она меня заметила впервые.

– С вашей стороны это смело – высказаться подобным образом, – произнесла она.

– Люди не должны быть такими злыми, – пожалала я плечами.

– Более чем согласна, – кивнула миссис Густафсон.

Прежде чем я успела сказать что-то еще, мистер Иверс громко воскликнул:

– Холодная война продолжается уже почти сорок лет! Нам никогда в ней не выиграть!

Все вокруг принялись кивать в знак согласия.

– Они просто хладнокровные убийцы! – продолжил банкир.

– А вы когда-нибудь встречались с русскими? – спросила его миссис Густафсон. – Работали с кем-то из них? Нет? Ну а мне приходилось, и могу вас заверить: они ничем не отличаются от нас с вами.

В кафетерии воцарилась тишина. Где это она встречалась с врагами и как могла работать с кем-то из них?

Во Фройте всем было всё обо всех известно. Мы знали, кто слишком много пьет и почему, знали, кто мухлюет с налогами и кто обманывает своих жен, а кто живет в грехе с одним мужчиной из Майнота... Единственной тайной оставалась миссис Густафсон. Никто не знал, кем были ее родители или чем ее отец зарабатывал на жизнь. Никто не представлял, когда и как она познакомилась с Баком Густафсоном и как сумела убедить его бросить прежнюю возлюбленную и жениться на ней. Вокруг миссис Густафсон клубились слухи, но они ее не задевали. В ее глазах часто светилась печаль – от потери или от сожалений? И как после жизни в Париже она умудрилась осесть в этом скучном месте?

Я была из тех учениц, которые сидят в первом ряду и всегда поднимают руку. Мэри Луиза, сидевшая рядом со мной, машинально рисовала что-то на парте. Сегодня мисс Хансон, стоя у доски, изо всех сил старалась заинтересовать наш седьмой класс «Айвенго». По другую

сторону прохода Робби крутил в загорелых пальцах карандаш. Его волосы – каштановые, как и у меня, – были растрепаны. Он уже водил машину – помогал родным убирать зерно. Робби поднес карандаш ко рту, розовый ластик коснулся его нижней губы. Я могла бы вечно смотреть на уголок его рта.

Французский поцелуй. Французские тосты. Французская жареная рыба. Все хорошее было французским. Насколько я знала, французские зеленые бобы были вкуснее американских. А французские песни лучше, чем музыка кантри, постоянно звучавшая на единственной в нашем городке радиостанции. «Моя жизнь сломалась, когда та жующая жвачку телка бросила меня ради бычка помоложе». Пожалуй, и о любви французы тоже знали больше.

Мне хотелось умчаться в аэропорт, чтобы улететь на какой-нибудь показ мод. Хотелось выступить на Бродвее, заглянуть за Железный занавес. Узнать, каковы на вкус французские слова. И только один человек из всех, живущих рядом, был знаком с миром за пределами Фройда, – миссис Густафсон.

Но хотя мы были соседями, она словно жила на расстоянии светового года от нас. Каждый Хеллоуин мама предупреждала:

– Над крыльцом Военной Невесты лампочка не горит. Это значит, что она не хочет, чтобы вы, ребята, стучали в ее дверь.

Когда мы с Мэри Луизой продавали печенье девочек-скаутов, мама Мэри Луизы говорила:

– Эта старуха живет скромно, так что не лезьте к ней!

Моя встреча с миссис Густафсон прибавила мне храбрости. Все, что мне было нужно, – это школьное задание, и тогда я смогла бы расспросить ее.

Как и ожидалось, мисс Хансон дала задание по «Айвенго». После урока я подошла к ее столу и спросила, могу ли я вместо этого написать сочинение о стране.

– Только на этот раз, – ответила мисс Хансон. – Я лично жду, когда можно будет прочитать твое сочинение о Франции.

Я так задумалась о своем плане, что, когда пошла в туалетную комнату, забыла заглянуть под двери кабинок и закрыть входную дверь. И конечно же, когда я закончила свои дела, у раковины уже крутились Тиффани Иверс и ее стайка. Тиффани взбивала перед зеркалом свои пшенично-золотые волосы.

– Смыв не работает, – заявила она. – Дерьмо всплывает.

Не слишком умное замечание, но когда я всмотрелась в свое отражение в зеркале, то увидела только тускло-коричневые, как дерьмо, волосы. Я стояла возле раковины, понимая, что, если начну сейчас мыть руки, Тиффани толкнет меня под кран и я намокну. А если я не стану их мыть, девчонки расскажут об этом всей школе. Они уже поступили так с Мэйси – и потом целый месяц никто не хотел сидеть рядом с «ручками в моче». А туалетный квартет ждал, сложив руки на груди.

Скрипнула дверь, и в туалет заглянула мисс Хансон:

– Ты снова здесь, Тиффани? Должно быть, у тебя серьезные проблемы с мочевым пузырем.

Девчонки быстро вышли, поглядывая на меня и словно говоря: «Это еще не конец».

Но я и сама это знала.

Мама, вечная оптимистка, постоянно твердила мне, что нужно во всем видеть светлую сторону. Ну, например: у старины Иверса лишь один отпрыск. И сегодня пятница.

Обычно по пятницам мои родители принимали гостей. Мама готовила ребрышки, Кэй приносила салат, а Сью Боб пекла перевернутый пирог с ананасами. Так что я проводила вечер у Мэри Луизы. Однако на этот раз я осталась в своей комнате и стала придумывать вопросы для миссис Густафсон. Пока взрослые ели, из столовой доносился смех. Когда же все затихло,

это значило, что они, как лорды и леди в Англии, разделились. Женщины составили свою компанию, а мужчины устроились в креслах и говорили о том, чего нельзя сказать при женах.

Пока женщины мыли посуду, я прислушивалась к другому голосу мамы – тому, которым она обычно говорила с подругами. Рядом с ними она казалась счастливее. Забавно, каким один и тот же человек может быть разным. Это заставляло меня думать, что я далеко не все знаю о своей маме, хотя она и не представляла собой такой загадки, как миссис Густафсон.

Сидя за письменным столом, я записывала вопросы, по мере того как они приходили мне в голову. «Когда в последний раз кому-нибудь отрубали голову на гильотине? Есть ли и во Франции свидетели Иеговы? Почему люди говорят, что вы украли вашего мужа? Теперь, когда он умер, почему вы остаетесь здесь?»

Я так сосредоточилась, что не заметила, как мама пришла и встала за моей спиной, пока не ощутила на плече ее теплую руку.

– Ты не пошла сегодня к Мэри Луизе?

– Я делаю домашнее задание.

– В пятницу? – удивилась она; я ее не убедила. – Что, тяжелый день был в школе?

Большинство дней там были тяжелыми. Но мне не хотелось говорить о Тиффани Иверс. Мама показала мне подарок размером с обувную коробку:

– Я кое-что приготовила тебе.

– Спасибо!

Разорвав упаковку, я нашла там вязанный крючком жилет.

Я натянула его на футболку, и мама поправила его у талии, довольная, что не ошиблась размером.

– Ты прекрасна! Зеленый подчеркивает искры в твоих глазах.

Взгляд в зеркало подтвердил, что я выгляжу по-идиотски. Если я надену это в школу, Тиффани Иверс сожрет меня живьем.

– Он... симпатичный, – с запозданием сказала я.

Мама улыбнулась, скрывая обиду:

– Так над чем ты трудишься?

Я объяснила, что должна написать сочинение о Франции и что для этого мне нужно поговорить с миссис Густафсон.

– Ох, милая, я не уверена, что тебе стоит ее беспокоить.

– У меня всего несколько вопросов. Разве нельзя ее пригласить?

– Наверное... А о чем ты хочешь ее спросить?

Я показала на лист.

Посмотрев на мои записи, мама громко вздохнула:

– Понимаешь, у нее ведь могла быть причина не возвращаться...

Днем в субботу я быстро прошла мимо старенького «шевроле» миссис Густафсон, поднялась по шатким ступеням ее крыльца и позвонила в дверной колокольчик. Дин-дон! Ответа не последовало. Я позвонила еще раз. Снова никто не откликнулся, так что я подергала парадную дверь. И она со скрипом отворилась.

– Эй, привет! – громко произнесла я и вошла в дом.

Тишина.

– Есть кто-нибудь дома? – спросила я.

В гостиной все стены занимали полки с книгами. Под венецианским окном стояли на подставке папоротники. Стереопроигрыватель, размером с большой холодильник, мог вместить в себя человека. Я быстро просмотрела коллекцию записей: Чайковский, Бах, снова Чайковский...

Миссис Густафсон прошла по коридору, шаркая ногами, вид у нее был такой, словно она только что проснулась. Даже дома, в одиночестве, она была в платье с красным поясом. В одних чулках, без туфель, она казалась ранимой. Мне вдруг пришло в голову, что я никогда не видела перед ее домом машин каких-нибудь друзей, никогда не замечала, чтобы к ней приходили гости. Миссис Густафсон была воплощением одиночества.

Остановившись в нескольких футах передо мной, она уставилась на меня так, словно я была грабителем, явившимся, чтобы похитить ее запись «Лебединого озера».

– Что тебе нужно?

Вы кое-что знаете, и я тоже хочу это знать...

Она скрестила руки на груди:

– Ну?

– Я пишу сочинение о вас. Ну, то есть о вашей стране. Может, вы могли бы ответить мне на несколько вопросов?

Уголки ее губ опустились. Миссис Густафсон молчала.

Тишина заставила меня занервничать.

– У вас тут целая библиотека...

Я махнула рукой в сторону полки с книгами, авторов и названий которых я не знала: мадам де Сталь, «Мадам Бовари», Симона де Бовуар...

Пожалуй, это была плохая идея. Я повернулась, чтобы уйти.

– Когда? – вдруг спросила она.

Я оглянулась:

– А можно прямо сейчас?

– Я сейчас кое-чем занята...

Миссис Густафсон произнесла это живо, словно была президентом и должна была поскорее вернуться в свою спальню.

– Я пишу сочинение, – напомнила я, потому что школа занимала место сразу после Бога, страны и футбола.

Миссис Густафсон надела туфли на высоком каблуке и схватила ключи. Я следом за ней вышла на крыльцо, и она заперла дверь. Она была единственным человеком во Фройте, который это делал.

– Ты всегда врываешься в дома к людям? – спросила она, когда мы пересекли лужайку.

– Обычно они сами выходят, – пожала я плечами.

В нашей гостиной миссис Густафсон сначала сложила ладони вместе, а потом безвольно уронила руки. Ее взгляд скользнул по ковру, по диванчику у окна, по семейным фотографиям на стене. Ее губы шевельнулись, собираясь что-то сказать, возможно: «Как у вас мило», как сказали бы другие леди, – но потом ее челюсти крепко сжались.

– Добро пожаловать, – произнесла мама, подавая на стол блюдо с шоколадным печеньем.

Я жестом пригласила нашу соседку сесть. Мне и себе мама поставила простые кружки, а миссис Густафсон – свою любимую чашку. Я наизусть знала ее историю. Много лет назад, когда миссис Иверс отправилась в Англию на экскурсию по замкам, папа дал ей денег, чтобы она купила для мамы красивый фарфоровый сервиз. Но фарфор был очень дорог, и миссис Иверс вернулась с одной только чашкой и блюдцем. Боясь, что фарфор может разбиться, она все время трансатлантического перелета держала чайную пару на коленях. И мне казалось, что тонкая чашка, разрисованная изящными голубыми цветами, явилась из каких-то лучших мест. Более утонченных. Как миссис Густафсон.

Мама разлила чай, и я нарушила молчание:

– Что самое лучшее в Париже? Правда ли, что это прекраснейший в мире город? И каково это – вырасти там?

Миссис Густафсон ответила далеко не сразу.

– Надеюсь, мы вас не слишком утомляем, – негромко произнесла мама.

– В последний раз мне задавали разные вопросы, когда я устраивалась на работу во Франции.

– Вы волновались? – тут же спросила я.

– Да, но я выучила все книги наизусть, пока готовилась.

– Это помогло?

Она печально улыбнулась:

– Всегда есть вопросы, на которые ты не готов ответить.

– Лили не станет задавать такие вопросы.

Мама обращалась к миссис Густафсон, однако ее предостережение касалось меня.

– Что самое лучшее в Париже? Это город читателей, – сказала наша соседка.

Она пояснила, что в домах ее друзей книги были так же важны, как мебель. Она проводила летние дни, читая в зеленых городских парках, потом, когда с приближением холодов пальмы в горшках в таких местах, как сады Тюильри, уносили в оранжереи, она всю зиму сидела в библиотеке, устроившись у окна с книгой на коленях.

– Вы любите читать?

Мне самой всякая английская классика, которую нам задавали читать, казалась скучнейшим делом.

– Я живу ради чтения, – ответила она. – В основном читаю исторические книги и о современных событиях.

Это выглядело таким же веселым, как наблюдение за тающим снегом.

– А в моем возрасте вы чем занимались?

– Я любила романы вроде «Таинственного сада». А новостями интересовался мой брат-близнец.

Близнец. Мне хотелось спросить, как его звали, но миссис Густафсон продолжила говорить. Парижане наслаждаются едой почти так же, как литературой, сказала она. Прошло более сорока лет, но она до сих пор помнила пирожное, которое принес ей отец, когда она отработала свой первый день, – нечто под названием «финансье». Закрыв глаза, миссис Густафсон сказала, что вкус маслянистой миндальной пудры показался ей вкусом рая. А ее мать обожала торт «Опера», в котором слои темного шоколада тонули в слоях бисквита, пропитанного кофе... Ох-ох... Я ощущала вкус ее слов и наслаждалась тем, как они ласкают язык.

– Париж – такое место, которое говорит с вами, – продолжила миссис Густафсон. – Город, который постоянно напевает собственную песенку. Летом парижане держат окна открытыми, и можно слышать, как бренчит пианино у соседей, как шелкают карты, которые кто-то тасует, и статический шум, когда кто-то вертит ручку настройки радиоприемника. И всегда слышен детский смех, и чьи-то споры, и как на площади играет кларнетист...

– Звучит изумительно, – мечтательно произнесла мама.

Обычно по воскресеньям после церкви миссис Густафсон сутулилась, а ее глаза походили на неоновую вывеску бара «Оазис» по понедельникам, когда ее выключали. Но сегодня ее глаза сияли. Когда она говорила о Париже, жесткие линии ее лица смягчались, и голос тоже.

Мама удивила меня, сама задав вопрос:

– А какой там была жизнь во время войны?

– Трудной.

Пальцы миссис Густафсон стиснули чашку. Когда звучала сирена воздушной тревоги, ее семья пряталась в подвале. Еды не хватало, каждый человек получал одно яйцо в месяц. Все худели и худели, так что ей начинало казаться, будто они просто исчезают. На улицах нацисты наугад обыскивали парижан и, как волки, держались стаями. Людей арестовывали без причин. Или по мелким причинам, если те, например, нарушали комендантский час.

Но ведь и для подростков существует комендантский час? Для сестры Мэри Луизы, Энджел.

– А по чему вы скучаете больше всего? – спросила я.

– По родным и друзьям... – Карие глаза миссис Густафсон стали задумчивыми. – По людям, которые меня понимают. Я скучаю по французскому языку. По чувству дома.

Я не знала, что и сказать. В гостиной стало тихо. Мы с мамой забеспокоились, но нашу соседку, похоже, это не волновало, она допивала чай.

Видя, что чашка миссис Густафсон опустела, мама вскочила:

– Поставлю чайник.

На полпути к кухне мама внезапно остановилась. Она пошатнулась, ухватилась одной рукой за буфет. Прежде чем я успела шевельнуться, миссис Густафсон уже была рядом с ней. Она обхватила маму за талию и проводила обратно к стулу. Я присела рядом с мамой. Ее щеки горели, она дышала медленно, неглубоко, словно воздух не желал проникать в ее легкие.

– Все в порядке, – сказала мама. – Я слишком быстро встала. Нужно было думать.

– Такое уже случалось? – спросила миссис Густафсон.

Мама посмотрела на меня, и я вернулась на свое место и сделала вид, что смахиваю со стола какие-то крошки.

– Да, несколько раз, – призналась мама.

Миссис Густафсон позвонила доктору Станчфилду. Во Фройте взрослые всегда повторяли одно и то же: «В большом городе вы звоните доктору, но он не является, как бы вам ни было плохо. А у нас секретарь ответит уже на второй звонок, и Станч будет в вашем доме ровно через десять минут». Он принимал младенцев в трех округах – и многих из нас именно он первым держал в своих теплых веснушчатых руках.

Доктор постучал в дверь и вошел в дом со своим черным кожаным чемоданчиком.

– Вам незачем было приходить, – взволнованно заявила мама.

Она тащила меня к Станчу, стоило мне только чихнуть, но никогда не обращалась к нему по поводу своей астмы.

– Позвольте уж мне самому судить об этом. – Он мягко отвел в сторону мамины волосы и прижал стетоскоп к ее спине. – Вдохните поглубже.

Мама вдохнула.

– Ну, если это глубокий вдох...

Измерив давление, Станч нахмурился. Он сказал, что давление высокое, и выписал какие-то пилюли.

А если мама ошибалась, говоря, что это астма?

После обеда мы с Мэри Луизой растянулись на ковре в моей комнате, чтобы заняться сочинениями.

– И что тебе рассказала миссис Густафсон? – спросила подруга.

– Что война была опасной.

– Опасной? Как это?

– Враги были везде...

Я представила, как миссис Густафсон идет на работу, а улицы заполнены злобными волками. Одни из них рычали, другие пытались укусить высокие каблук ее туфель... А она все шла и шла. Возможно, она никогда не ходила дважды одной и той же дорогой.

– Так ей приходилось прокрадываться?

– Думаю, да.

– Вот было бы круто, если бы она оказалась тайным агентом!

– Точно.

Я тут же вообразила, как миссис Густафсон доставляет послания в заплесневелых книгах.

– Кстати, о секретах. – Мэри Луиза отложила в сторону карандаш. – Я выкурила одну из сигарет Энджел.

– Ты курила в одиночку? Неправда.

Мэри Луиза промолчала.

– Неправда, – повторила я.

– Вместе с Тиффани.

Ее ответ глубоко задел меня.

– Если ты куришь, я никогда больше не стану с тобой разговаривать, – заявила я.

И задержала дыхание.

Нам обоим было по двенадцать лет, но Мэри Луиза первой обо всем узнавала. Именно от своей сестры Энджел Мэри Луиза услышала о презервативах и пивных вечеринках. Мне родители не разрешали пользоваться косметикой, и Мэри Луиза давала мне взаймы свою. Подруга была сильнее и подвижнее меня, и я чувствовала, что она быстро от меня отдаляется.

– Ну, мне все равно это не слишком понравилось, – ответила Мэри Луиза.

В течение следующих недель мама потеряла аппетит, одежда стала висеть на ней как на вешалке. Лекарства ей не помогали. Папа отвез ее к специалисту, и тот заявил, что это просто стресс. Она стала быстро уставать, и теперь папа делал сэндвичи. В День благодарения мы с ним ели за кухонной стойкой жареный сыр. И поглядывали на дверь, надеясь, что мама будет чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы присоединиться к нам.

Папа откашлялся:

– Как дела в школе?

Я получала только отличные оценки, у меня не было парня, а Тиффани Иверс пыталась увести у меня Мэри Луизу.

– Отлично.

– Отлично?

– Все девочки у нас пользуются косметикой. Почему мне нельзя?

– Хорошеньким девочкам вроде тебя совершенно ни к чему пачкать лицо.

По большей части то, что сказал папа, не проникло в мой ум. Я не услышала его заботу, я даже не услышала, что он назвал меня хорошенькой. Я услышала только недвусмысленный запрет.

– Но, папа...

– Надеюсь, ты не станешь огорчать этим маму.

И мы оба уже в тысячный раз посмотрели на дверь спальни.

С рюкзаками на плечах мы с Мэри Луизой устало тащились домой из школы. Мы остановились на Первой улице, чтобы погладить Смоки, немецкую овчарку, прошагали мимо дома Флешов, у которых на лужайке стояли сорок семь керамических гномов, по одному на каждый год их брака. В окне углового дома старая миссис Мердок отдернула тюлевую занавеску. Если бы мы проскочили по ее лужайке, вместо того чтобы обойти ее по дорожке, она бы позвонила нашим родителям.

Во Фроиде все мы делали покупки в одной и той же бакалейной лавке, пили из одного источника. У нас было общее прошлое, мы повторяли одни и те же истории. Миссис Мердок не была такой придирчивой до того, как ее муж вдруг упал, убирая снег. А Бак Густафсон так и не стал прежним после войны. Мы читали одни и те же газеты, мы зависели от одного доктора. Отправляясь куда-нибудь, мы ехали по грязным дорогам, наблюдали за комбайнами, убирающими пшеницу на полях. Воздух здесь пах чистотой. Честностью. Наши носы и рты наполнял сладкий аромат сена, а пыль скошенного урожая проникала в нашу кровь.

– Давай переедем в какой-нибудь большой город. – Мэри Луиза сердито покосилась на миссис Мердок. – Где никто не будет соваться в наши дела.

– И где мы сможем делать что хотим, – добавила я. – Например, визжать в церкви.

– Или вообще не ходить в церковь.

Тут мы замолчали. Эта мысль показалась настолько невероятной, что нам понадобилось время, чтобы с ней освоиться, и потому последний квартал до моего дома мы прошли не разговаривая. С улицы я увидела у окна маму. Сквозь стекло она казалась бледной, словно призрак.

Мэри Луиза отправилась домой, а я побрела к нашему почтовому ящику и задержалась у старого столбика, боясь зайти в дом. Обычно в это время мама пекла печенье и болтала с подругами, стоя у кухонной стойки. А иногда она забирала меня из школы, и мы ехали в заказник на озере Медсин. Мама любила наблюдать там за птицами. Сидя в нашем многоместном автомобиле, мы с мамой смотрели в одну сторону – на дорогу, протянувшуюся перед нами, дорогу, полную возможностей. И мне легко было рассказывать ей о стычках с Тиффани Иверс или о плохой оценке за тест. Я могла доверять ей и что-то хорошее, вроде того урока физкультуры, когда капитаном команды был Робби и он первой выбрал меня, даже до того, как стал выбирать мальчиков. Каждый раз, когда я ошибалась, мальчики горестно жаловались, но Робби поддерживал меня и говорил: «Ничего, в следующий раз получится».

Мама знала обо мне все.

На озере Медсин обитало двести семьдесят видов птиц. Мы пробирались к нему через траву до колен, на шее мамы висел на ремешке бинокль. «Возможно, ястребы и более величественны, – говорила она, – а желтоногий зуек наряден. Но мне все равно больше нравятся малиновки».

Я поддразнивала ее, говоря, что не стоило ехать так далеко, чтобы понаблюдать за птичкой, которую можно увидеть на собственной лужайке.

– Малиновки элегантны, – поясняла мама. – И они – добрый знак, напоминание о том особенном, что стоит прямо перед нами.

И она крепко обнимала меня.

Но теперь мама сидела дома одна, и ей редко хватало сил на то, чтобы поговорить даже со мной.

Как раз в это время миссис Густафсон вышла к своему почтовому ящику, и я пересекла коричневую полосу травы, что разделяла нас. Она прижимала к груди какое-то письмо.

– Это от кого?

– От моей подруги Люсьен из Чикаго. Мы много лет переписываемся. Мы с ней приплыли на одном корабле. Три незабываемые недели от Нормандии до Нью-Йорка. – Она внимательно посмотрела на меня. – У тебя все в порядке?

– Да, в порядке.

Все прекрасно знали правила общения: не привлекай к себе внимания, никому не нравятся хвастуны и болтуны. Не оборачивайся, сидя в церкви, даже если позади тебя взорвали бомбу. Когда тебя спрашивают, как дела, отвечай «прекрасно», даже если ты расстроен и напуган.

– Не хочешь зайти? – спросила миссис Густафсон.

Я бросила рюкзак на пол перед книжными полками. Сверху донизу на них стояли книги, а вот фотографий было всего три, маленьких, как будто снятых «Поляроидом». У нас дома было больше фотографий, чем книг. Библия, мамнины определители флоры и фауны и энциклопедия, которую мы купили на какой-то гаражной распродаже.

С первого снимка смотрел молодой моряк. У него были глаза миссис Густафсон.

Она подошла ко мне:

– Это мой сын, Марк. Его убили во Вьетнаме.

Как-то раз, когда я раздавала в церкви бюллетени, у чаши со святой водой столпилось несколько леди. И когда в церковь вошла миссис Густафсон, миссис Иверс прошептала:

– Завтра годовщина смерти Марка.

Покачивая головой, старая миссис Мердок заметила:

– Потерять ребенка – что может быть хуже? Нам следует послать цветы или...

– Вам следует прекратить сплетничать, – огрызнулась миссис Густафсон. – По крайней мере, во время мессы.

Леди окунули в святую воду дрожащие пальцы, быстро перекрестились и скользнули на свои скамьи.

– Мне очень жаль... – Я провела пальцем по рамке фотографии.

– Мне тоже.

От печали в голосе миссис Густафсон мне стало не по себе. Никто никогда не навещал ее. Ни родня по мужу, ни французская семья. А что, если все, кого она любила, умерли? И она, наверное, не слишком хотела видеть здесь меня, чтобы не вспоминать старые потери. Я шагнула к рюкзаку, намереваясь поднять его.

– Хочешь печенья? – спросила она.

В кухне я схватила с тарелки два самых больших печенья и проглотила их раньше, чем она успела взять одно. Тонкие и хрустящие, сахарные печенюшки были свернуты в трубочки, напоминающие подзорную трубу.

Миссис Густафсон как раз испекла первую партию, так что в течение следующего часа я помогала ей сворачивать в трубочки остальные. И я оценила то, что она ничего не стала говорить о маме, вроде: «Ох, нам так не хватало твоей мамы на родительском комитете, передай ей», или: «Ну, ничего с ней не происходит такого, что нельзя исправить хорошей порцией жареной свинины». Молчание никогда не ощущалось таким приятным.

– Как называется такое печенье? – спросила я, хватая еще одно.

– «Cigarettes russes». Русские сигареты.

Коммунистическое печенье? Я вернула его на тарелку.

– А как вы научились его печь?

– Мне дала рецепт одна подруга, которая их пекла, когда я доставляла ей книги.

– А почему она сама не могла за ними прийти?

– Ей не разрешали ходить в библиотеку во время войны.

Прежде чем я успела спросить, почему не разрешали, кто-то постучал в дверь.

– Миссис Густафсон?

Это оказался папа, что означало – уже шесть часов, время обеда, и мне грозили неприятности. Вытерев с губ крошки, я стала придумывать причины. Время так быстро прошло, я должна была задержаться, чтобы помочь...

Миссис Густафсон открыла дверь, и я ожидала настоящего урагана...

Но у папы были отчаянные глаза, его галстук съехал на сторону.

– Я везу Бренду в госпиталь, – сказал он миссис Густафсон. – Вы не могли бы присмотреть за Лили?

Я хотела сказать, что это не обязательно, но папа уже умчался, не ожидая ответа.

Глава 3. Одиль

Париж, февраль 1939 года

Тень церкви Сент-Огюстен нависла над маман, Реми и надо мной, когда мы возвращались с очередной скучной воскресной службы. Вырвавшись из давящих облаков благовоний, я вдохнула ледяной ветер, чувствуя облегчение оттого, что оказалась вдали от священника и его унылой проповеди. Маман подгоняла нас вперед, мимо одной из любимых книжных лавок Реми, мимо *boulangerie*, где булочник с разбитым сердцем постоянно сжигал хлеб, к порогу нашего дома.

– Кто у нас сегодня, Пьер или Поль? – суежилась маман. – Ну, кто бы это ни был, он явится с минуты на минуту. Одиль, не смей хмуриться! Конечно, папá хочет познакомить нас с этими людьми... И не все они работают в его участке. Но один может оказаться отличным кавалером для тебя.

Еще один обед с ничего не подозревающим полисменом. Всегда было неловко, если гость проявлял интерес ко мне, и обидно, если он интереса не выказывал.

– И смени блузку. Поверить не могу, что ты надела в церковь эту поблекшую тряпку! Что люди подумают? – бросила она перед тем, как умчаться на кухню проверить жаркое.

В прихожей, перед зеркалом с облупившейся позолотой, я заново причесала свои темно-рыжие волосы, а Реми слегка смазал свои непокорные кудри каким-то маслом для волос. Во французских семьях воскресный обед всегда был ритуалом почти таким же священным, как месса, и маман настаивала, чтобы мы выглядели как можно лучше.

– Как бы Дьюи классифицировал этот обед? – спросил Реми.

– Это легко. 841. «Одно лето в аду» Рембо.

Реми засмеялся.

– Сколько мелких сошек папá уже приглашал? – спросила я.

– Четырнадцать, – ответил Реми. – Могу поспорить, они просто боятся ему отказать.

– Почему тебе не приходится терпеть такую пытку?

– Потому что всем наплевать, когда мужчина женится. – Реми с проказливой улыбкой схватил мой шарф и намотал колючую шерсть себе на голову, завязав под подбородком, как это делала наша матушка. – *Ma fille*¹, у женщин так невелик срок хранения!

Я хихикнула. Реми всегда умел взбодрить меня.

– А при твоём поведении, – продолжил он, подражая резкому тону маман, – ты навсегда останешься лежать на полке!

– На книжной полке, если получу работу.

– Когда получишь работу.

– Я не уверена...

Реми снял шарф:

– У тебя ученая степень по библиотечному делу, ты свободно говоришь на английском, и у тебя во вкладыше только высшие оценки. Я в тебя верю. Верь и ты в себя!

В дверь постучали. Мы открыли ее и увидели светловолосого полисмента в мундире. Я собралась с духом. На прошлой неделе протеже отца приветствовал меня, прижавшись к моей щеке сальным подбородком.

– Я Поль, – представился новичок и едва коснулся своей щекой моего лица. – Рад познакомиться с вами обоими, – сказал он, пожимая руку Реми. – Слышал о вас много хорошего.

Поль выглядел искренним, но я сильно сомневалась в том, что папá мог сказать что-то хотя бы отчасти положительное о любом из нас. Сами мы слышали только мрачные оценки

---

¹ Моя дочь (фр.). – Здесь и далее примеч. перев.

способностей Реми: «А ведь на курсе права он лучше всех выступал в дебатах!» – и моего дара домоводства: «Как ты вообще можешь спать на кровати, заваленной книгами?»

– Я всю неделю ждал этого дня, – сообщил маман папин протеже.

– Домашняя еда пойдет вам на пользу, – ответила она. – Мы рады вам.

Папá усадил гостя в кресло у камина, потом приготовил аперитив: вермут – для мужчин, шерри – для женщин. Маман металась между кушеткой, стоявшей под ее любимыми папоротниками, и кухней, убеждаясь, что служанка строго следует ее инструкциям. А папá восседал в своем кресле в стиле Людовика XV, и его похожие на веники усы как бы подметали утверждения, вылетающие изо рта.

– Кому нужны эти *chômeurs intellectuels*? Я говорю – пусть «непризнанные гении» сочиняют свою прозу, работая на рудниках. Как в других странах различают умных бездельников и тупых? С помощью денег, моих налогов!

Гость был новым каждое воскресенье, но папина длинная и скучная лекция оставалась неизменной.

Я в очередной раз объяснила:

– Никто не заставляет тебя поддерживать художников и писателей. Ты вправе выбрать простую почтовую марку или облагаемую небольшим добавочным налогом.

Реми, сидевший рядом со мной на диване, скрестил руки на груди. Я легко поняла его мысль: «Ну какое тебе дело?»

– Я никогда не слышал об этой программе, – сказал папин протеже. – Когда буду писать домой, спрошу одну из таких марок.

Возможно, этот гость был не так плох, как остальные.

Папá повернулся к Полю:

– Наши коллеги из сил выбиваются в лагерях для интернированных у границы. Все эти беженцы буквально льются потоком... Скоро во Франции испанцев будет больше, чем в Испании.

– Там у них гражданская война, – заметил Реми. – Они нуждаются в помощи.

– И они лезут в нашу страну!

– А что остается ни в чем не повинным гражданским? – спросил Поль. – Сидеть дома, чтобы их всех перебили?

На этот раз у папá не нашлось ответа. Я присмотрелась к нашему гостю. Не к его коротким волосам, торчавшим вверх, и не к голубым глазам в цвет мундира, но к силе его характера и бесстрашию в защите своих убеждений.

– При всех этих политических переворотах ясно одно, – сказал Реми, – будет война.

– Ерунда! – возразил папá. – В защиту вложены миллионы. И с линией Мажино Франции ничто не грозит.

Я представляла себе эту линию как гигантскую яму на границах с Италией, Швейцарией и Германией, в которую целиком провалятся армии, которые попытаются напасть на Францию.

– Разве обязательно говорить о войне? – спросила маман. – Такие мрачные разговоры в воскресенье! Реми, почему бы тебе не рассказать нам о твоих занятиях?

– Мой сын хочет бросить юридическую школу, – объяснил папá Полю. – Похоже, именно поэтому он пропускает занятия.

Я задумалась, пытаясь найти подходящие слова. Но Поль меня опередил. Повернувшись к Реми, он сказал:

– А чем бы вы хотели заняться вместо этого?

Это был вопрос, который вполне мог бы задать папá.

– Пойти на государственную службу, – ответил Реми. – Постараться хоть что-то изменить. – (Папá широко раскрыл глаза.) – Или стать лесником, чтобы сбежать от этого прогнившего мира, – добавил Реми.

– Мы с вами защищаем людей и бизнес, – обратился к Полю папá. – А он готов охранять сосновые шишки и медвежье дерьмо.

– Наши леса важны так же, как Лувр, – возразил Поль.

Еще один ответ, который заставил папá промолчать. Я посмотрела на Реми, чтобы выяснить, какого он мнения о Поле, но брат отвернулся к окну и смотрел куда-то вдаль, как мы это частенько делали во время бесконечно долгих воскресных обедов. Но на этот раз я решила не отвлекаться. Мне хотелось послушать, что еще скажет Поль.

– Обед пахнет изумительно! – произнесла я, надеясь отвлечь внимание папá от Реми.

– Да, – поддержал меня Поль. – Я много месяцев не пробовал домашней еды.

– И как ты поможешь беженцам, если бросишь юридическую школу? – упрямо продолжил папá. – Тебе необходимо за что-то зацепиться.

– Суп, должно быть, готов... – Маман нервно отщипнула высохший лист папоротника.

Реми молча прошел мимо нее в столовую.

– Ты просто не хочешь работать! – крикнул ему вслед папá. – Но ты всегда первый за столом! – Он уже не мог остановиться, даже при госте.

Как обычно, мы ели картофельный суп-пюре с луком-пореем.

Поль нахваливал суп, а маман бормотала что-то насчет хорошего рецепта. Звяканье папиной ложки по дну фарфоровой тарелки сообщило о конце первой перемены блюд. Мамин рот слегка приоткрылся, как будто она хотела попросить отца быть повежливее. Но она никогда не позволяла себе укорять папá.

Служанка принесла картофельное пюре с розмарином и жареную свинину. Я глянула на часы на каминной полке. Обычно обед тянулся невероятно медленно, но я с удивлением обнаружила, что уже два часа дня.

– Вы тоже студентка? – спросил меня Поль.

– Нет, я уже окончила учебу. И как раз теперь хочу получить место в Американской библиотеке.

По его губам скользнула улыбка.

– Я бы тоже не прочь работать в таком чудесном, спокойном месте.

Черные папины глаза вспыхнули интересом.

– Поль, если вы недовольны работой в Восьмом округе, почему бы вам не перевестись ко мне? Для хорошего человека найдется место сержанта.

– Благодарю вас, сэр, но мне хорошо там, где я есть. – Взгляд Поля не отрывался от моего лица. – Чрезвычайно хорошо.

И вдруг у меня возникло ощущение, что мы с ним наедине и никого рядом нет. *В тот момент, когда он откинулся на спинку стула и его глубоко сидящие глаза посмотрели на нее, возможно, он мог заметить в ней один краткий миг колебания, когда ей вдруг захотелось броситься ему на грудь и тайно доверить свое сердце...*²

– Работающие девушки! – фыркнул папá. – Разве ты не можешь устроиться хотя бы во Французскую библиотеку?

Я с сожалением выбросила из головы нежную сцену с Полем и Диккенсом.

– Папá, в Американской библиотеке не просто составляют каталоги по алфавиту, они пользуются числовой системой, которая называется десятичной классификацией Дьюи...

– Числа для классификации букв? Могу поспорить, эта идея пришла в голову какому-нибудь капиталисту. Их куда больше интересуют цифры, чем буквы! И что плохого в нашем привычном способе?

– Мисс Ридер говорит, что между этими способами большая разница.

– Иностранцы! Бог знает с кем еще тебе придется иметь дело!

---

² Ч. Диккенс. Тяжелые времена.

– Дайте людям шанс, и они смогут вас удивить...

– Это ты меня удивляешь. – Папá ткнул в мою сторону вилкой. – Работать с людьми чертовски трудно! Всего лишь вчера меня вызвали, потому что некоего сенатора арестовали за взлом с проникновением. Одна старая леди обнаружила его лежащим на полу в своем доме. Когда негодяй пришел в себя, то стал выкрикивать непристойные ругательства, потом его вырвало... Пришлось облить его водой из шланга, прежде чем удалось понять, что он говорит. Ему казалось, что он явился в дом своей подружки, но ключ не подошел к замку, поэтому он по шпалере добрался до окна и влез внутрь. Поверь мне, тебе не захочется иметь что-то общее со многими людьми, и не вынуждай меня говорить о тех шельмецах, которые доводят страну до последней грани.

И он опять завелся, жалуясь на иностранцев, политиков и спесивых женщин. Я застонала, и Реми легонько прижал мою ступню своей ногой в носке. Успокоенная этим мягким прикосновением, я почувствовала, как расслабляются мои напряженные плечи. Мы придумали этот тайный способ поддержки, когда были еще малышами. Сталкиваясь с отцовским гневом – «Ты дважды за неделю должен был надевать в школе дурацкий колпак, Реми! Я в конце концов приколочу его к твоей проклятой башке!» – я и не пыталась успокоить брата какими-то словами. Когда я сделала это в последний раз, папá возмутился: «Встаешь на его сторону? Мне бы следовало выпороть вас обоих!»

– Они возьмут какого-нибудь американца, а не тебя, – заключил папá.

– Но четверть читателей этой библиотеки – парижане, – возразила я. – Им необходим персонал, говорящий на французском.

– Но что люди подумают? – тревожилась маман. – Будут говорить, что папá не в состоянии тебя обеспечить!

– В наши дни многие девушки работают, – напомнил Реми.

– Одиль не нуждается в работе! – заявил папá.

– Но она этого хочет, – тихо произнесла я.

– Давайте не будем спорить.

Маман разложила по маленьким хрустальным чашкам *mousse au chocolat*. Десерт, обильный и восхитительный, требовал нашего внимания и дал нам возможность прийти кое в чем к общему мнению: маман готовила лучший в мире шоколадный мусс.

Ровно в три часа Поль встал:

– Спасибо за обед. Мне очень жаль, но я должен идти, скоро начинается моя смена.

Мы проводили его до двери. Папá пожал Полю руку:

– Подумайте над моим предложением.

Мне хотелось поблагодарить Поля за то, что он заступился за меня и Реми, но в присутствии папá я помалкивала. Поль шагнул в мою сторону, очутившись прямо передо мной. Я сдержала дыхание.

– Надеюсь, вы получите эту работу, – шепнул он.

Когда он поцеловал меня на прощание, его губы, прикоснувшиеся к моей щеке, были очень мягкими, и я вдруг подумала, как бы я ощутила их на своих губах... Когда я представила этот поцелуй, мое сердце забилося быстрее, словно я впервые читала «Комнату с видом» Форстера. Я замирала над сценами этой книги, ожидая, когда Джордж и Люси, которые так подходили друг другу, признаются в своей неукротимой любви и обнимутся на пустой веранде. Вот если бы и я смогла перелистывать страницы своей жизни быстрее, чтобы узнать, увижу ли снова Поля.

Я подошла к окну и смотрела ему вслед, когда он быстро уходил по улице.

Позади меня слышалось бульканье – папá разливал средство для пищеварения. Воскресный обед был единственным временем за всю неделю, когда они с маман предавались темным воспоминаниям о Великой войне. После нескольких маленьких глотков маман благого-

вейно перечисляла имена убитых соседей, как будто перебирала бусины четок. Папá сражения, выигранные его полком, казались поражениями, потому что слишком много его друзей-солдат были убиты.

Реми подошел ко мне, мы вместе стояли у окна, и брат общипывал папоротник.

– Мы напугали еще одного жениха, – сказал он.

– Имеешь в виду, папá напугал.

– Он сводит меня с ума. Он так уколоб! Совершенно не понимает, что происходит!

Я всегда соглашалась с Реми, но на этот раз понадеялась, что папá был прав.

– Ты это всерьез говорил... насчет войны?

– Боюсь, да, – кивнул Реми. – Нас ждут тяжелые времена.

«Тяжелые времена». Диккенс. 823. Британская литература.

– В Испании гибнут гражданские. В Германии преследуют евреев, – продолжил Реми, хмурясь на лист папоротника, который держал в пальцах. – А я застрял на лекциях.

– Ты публикуешь статьи, которые поднимают проблему тяжелого положения беженцев. Ты организовал сбор одежды для них. Я горжусь тобой.

– Этого недостаточно.

– Но сейчас тебе надо сосредоточиться на учебе. Ты был первым на курсе, а теперь тебе повезет, если ты получишь диплом.

– Меня тошнит от изучения теории. Людям нужна помощь сейчас. Политики ничего не предпринимают. Я просто не могу сидеть дома! Кто-то ведь должен что-то делать!

– Ты должен получить диплом.

– От него никакого проку не будет.

– Папá не совсем не прав в этом, – мягко сказала я. – Ты должен закончить то, что начал.

– Я пытаюсь тебе объяснить...

– Пожалуйста, не говори, что ты снова что-то натворил...

Реми пожертвовал все свои сбережения в фонд помощи беженцам. Ни слова не сказав маман, он отдал бедным все продукты из нашей кладовой, включая и муку. Нам с ней пришлось бегом бежать на рынок, чтобы приготовить обед до того, как папá вернется домой, – он ничего не узнал и не стал ругать Реми.

– Раньше ты понимала.

Реми быстрым шагом направился в свою комнату и захлопнул за собой дверь.

Я поморщилась, услышав его обвинение. Мне хотелось крикнуть, что он никогда не был таким импульсивным, но я понимала, что ссора никуда нас не приведет. Когда Реми успокоится, я попытаюсь снова. А пока мне хотелось забыть о папá, о Поле и даже о Реми. «Тяжелые времена». Я сняла эту книгу со своей полки.

Глава 4. Лили

Фройд, Монтана, январь 1984 года

Мы с папой топтались у кровати мамы. Она пыталась улыбаться, но у нее лишь слегка подергивались губы. С них сошли все краски, мама медленно моргала. Вокруг нее попискивали аппараты. Почему я после школы не пошла сразу домой? Может быть, тогда мама не очутилась бы здесь...

Я закрыла глаза и унесла маму прочь от чашки с недоеденным зеленым желе, от стерильной больничной вони к озеру. Вдыхая запах болота, мы с ней бродили там, и ее лицо покраснелось от солнечного тепла. Она заметила что-то в траве. Мы подошли ближе, в подлеске лежали банки из-под пива «Курс». Мама достала из кармана ветровки пластиковый пакет и подобрала их. А я, желая просто наслаждаться моментом, сказала: «Идем, мам! Забудь о мусоре!» Но она не обратила на меня внимания. Для нее было важно оставить это место в лучшем виде, чем мы его нашли.

Доктор Станчфилд вернул меня к реальности. Он пришел, чтобы сообщить нам диагноз специалистов: ЭКГ показала, что мама перенесла на ногах несколько сердечных приступов, причинивших серьезный вред. Я не понимала, как мог произойти переход от утверждений мамы, что у нее просто перехватывает дыхание, к сердечным приступам. Как будто передо мной протянулась длинная дорога, на которой не было никаких предупреждающих знаков, вроде «Камнепада», «Встречного ветра». Как же мы очутились здесь? И как долго маме придется здесь оставаться?

На ужин папа разогрел замороженные бифштексы «Солсбери» и поставил подносы перед телевизором. Он сказал, что так мы сможем посмотреть новости, но я знала, что дело в Грэме Брюстере, заботливом якоря надежды, который будет говорить с нами. Этим вечером он брал интервью у одного из членов Союза обеспокоенных ученых о том, что может произойти в случае ядерной войны.

– Маме лучше? – спросила я.

– Не знаю. Похоже, она не такая усталая.

«В воздухе рассеется более двухсот двадцати пяти тонн пыли...» – говорил физик из Массачусетского технологического института.

– А когда она вернется домой?

– Хотелось бы мне знать, милая. Но Станч ничего не говорит. Надеюсь, что скоро. Этот дым закроет солнце, положив начало великому оледенению.

– Мне страшно.

– Съешь что-нибудь, – ответил папа.

Не важно, насколько плохи дела сейчас, заключил ученый, они могут стать намного хуже.

Я вилкой двигала по тарелке мясо. Мой живот окаменел, в нем что-то медленно колотилось, как заблудившееся сердце.

После ужина папа скрылся в своей берлоге. Я намотала на палец телефонный шнур и позвонила Мэри Луизе. Но линия была занята. Если сестра Мэри Луизы не уходила на свидание, то висела на телефоне. Я огляделась по сторонам, убеждаясь, что папы нет поблизости, и набрала 5896. Пожалуйста, пусть Робби будет дома...

– Алло, – ответил он. – Алло? Кто это?

Мне хотелось поговорить с ним, но я не знала как. Я опустила трубку на аппарат, но еще слышала его голос – низкий, бархатный – и почувствовала себя не такой одинокой.

Стоя у окна своей спальни, я смотрела на полную луну, которая таращилась на меня. Ветер дергал сухие веточки. Когда я была маленькой и боялась грозы, мама делала вид, что

моя кровать – это лодка, а потоки дождя – волны, и море перекачивается через нашу лужайку, унося нас в неведомую страну... А без мамы ветер был просто ветром, он с завыванием несся мимо, в какие-то места получше.

Десять дней спустя, когда мама вернулась домой, она сразу опустилась на кровать. Папа приготовил чашку ромашкового чая. Я легла рядом с мамой под лимонно-желтым афганским пледом. От мамы пахло мылом «Слоновая кость». С крыши свисали сосульки. Снег облепил телефонные провода. Огромное небо было синим, а наш мир – белым.

– Повезло нам сегодня. – Мама показала на окно. – Как много ястребов.

Они иногда высоко парили над лугом по другую сторону улицы. А иногда кружили низко в поисках мышей. Мама говорила, что наблюдать за птицами интереснее, чем смотреть телевизор.

– Когда я была беременна, мы с твоим папой садились на кушетку у окна и наблюдали за малиновками. Мне так нравились их яркие грудки, эти птички предвещали весну, но папе не нравилось то, как они заглатывают червяков. «А ты представь, что это спагетти», – говорила ему я.

– О как!

– И ты была почти как малиновка. Робин. Когда ты родилась, я сказала медсестре, что это твое имя, хотя и знала, что папа предпочитает Лили, потому что в то время, когда мы купили этот дом, в долине как раз цвели лилии и ландыши. А потом я увидела тебя с ним и как твои пальчики обхватили его мизинец. Они напомнили мне о тех крошечных цветках. А папа наклонился и поцеловал тебя в животик. И то, как он смотрел на тебя... с такой любовью... в общем, я передумала.

Тогда мама на том и закончила рассказ, но сегодня по какой-то причине добавила:

– Когда папа работает, он делает это не ради себя. Он хочет, чтобы мы чувствовали себя защищенными. Он вырос в бедности. И в глубине души боится, что может все потерять. Ты понимаешь?

– Вроде да.

– Люди такие неловкие, они не всегда знают, что сделать или сказать. Не суди их за это. Никогда ведь не знаешь, что у них на сердце.

Люди такие неловкие... Не суди их за это. Никогда ведь не знаешь, что у них на сердце. Что она имела в виду? Хотела сказать что-то о самой себе? Или о папе? Я слышала, как мама Мэри Луизы говорила как-то, что моему папе следовало бы стать маклером на Уолл-стрит, потому что он любит деньги больше, чем людей.

– Папа уж очень часто уезжает, – пожаловалась я.

– Ох, милая, как жаль, что малыши не помнят того, как их баловали. Когда ты была маленькая, твой папа баюкал тебя ночи напролет.

Он был орлом, сказала мама, спокойным и храбрым. Я много знала об орлах: они высиживают яйца по очереди, самцы и самки.

– У людей есть семьи, – продолжила мама. – А как насчет гусей?

– Мы говорим «гусиное стадо», – пожала я плечами.

– А что насчет воробьев?

– Туча воробьев.

– Ястребы?

– Бросаются на добычу.

Как на шоу о птицах по телевизору. Я хихикнула.

– А ты знаешь, как называют стаю черных воронов? Воронья злость.

Это звучало слишком глупо, чтобы быть правдой. Я всмотрелась в мамино лицо, но она выглядела серьезной.

- А как насчет серых ворон? – спросила я.
- Простые убийцы.
- Простые убийцы... – повторила я.

Я словно вернулась в старые добрые дни, когда все было в порядке. Я крепко обняла маму, очень крепко, желая, чтобы вот так было всегда. Мы вместе, в большой латунной кровати, в тепле...

Утром мы с папой засиделись с мамой у кухонной стойки. Он сказал, что мне не повредит пропустить денек в школе.

- Мне не нужна нянька! – возразила мама.
- Станч сказал, что тебе следовало бы оставаться в больнице, – заметил папа.

Мы молча съели бекон и яйца. И как только закончили, мама выставила нас за дверь. В школе я могла думать только о ней, ведь в госпитале мама хотя бы не оставалась одна. В середине урока математики Тиффани Иверс пнула мой стул:

- Эй, придурочная! Мистер Гудан задал тебе вопрос.

Я вскинула голову, но он уже продолжил говорить.

Как только прозвенел последний звонок, я помчалась домой. Уже снаружи я увидела родителей, сидевших перед окном. Я обежала дом и тихо вошла в кухню через заднюю дверь.

- Станч предлагает сиделку, – услышала я голос папы.
- Ох, бога ради! Я в порядке!
- Но разве мешает небольшая помощь по дому? Думаю, и Лили станет легче.
- Он был прав, мне бы стало легче.
- И кого бы ты предложил? – спросила мама.
- Сью Боб.

Я еще сильнее насторожила уши, услышав имя мамы Мэри Луизы.

- Мне не хочется, чтобы друзья видели меня такой, – ответила мама.
- Ну, это только предложение, – тут же отступил папа.

А может, миссис Густафсон могла бы нам помочь?

Я постучала в ее дверь. Но на этот раз подождала, пока она не откликнется.

- Маме все еще плохо, – сообщила я.
- Печально.

– И нам нужна небольшая помощь по дому, чтобы она не переутомлялась. Не могли бы вы...

– Лили? – раздался за моей спиной голос папы. – Ты что там делаешь? Ты должна быть с мамой.

- Думаю, я могла бы помочь, – ответила миссис Густафсон.
- Нет необходимости, – возразил папа. – Мы справимся.

Она перевела взгляд с него на меня:

- Позвольте мне приготовить обед. Я как раз собрала все необходимое.

Миссис Густафсон ненадолго ушла в дом и вернулась с охапкой овощей и картонкой сливок.

У нашей кухонной стойки она так тонко очистила картофель, что кожура просвечивала.

- А что вы делаете?
- Суп из картофеля и лука-порей.
- А что такое лук-порей?
- В Восточной Монтане это самый невостребованный овощ.

Она обрезала вяжущиеся корешки и распластала стройные белые стебли. Пахло луком, но очень слабо. Миссис Густафсон нарезала порей и высыпала на сковородку, его кусочки купа-

лись в пузырящемся масле, пока варился картофель. Потом она выложила порей и картофель в блендер, добавив туда солидную порцию сливок, и разлила белый суп по глубоким тарелкам.

– Все готово! – позвала я родителей.

Папа вошел вместе с мамой, держа ее за талию, как и полагается в больницах. Раньше я таращила глаза, когда мои родители целовались, но теперь мне хотелось, чтобы они вернулись к своей прежней манере прикасаться друг к другу.

После молитвы я склонилась над своей тарелкой и сунула в рот первую ложку. Суп казался шелковистым. Мне хотелось съесть его быстрее, но он был горячим.

– Супы учат терпению, – сказала миссис Густафсон.

Она поднесла ложку ко рту, сидя очень прямо. Я тоже постаралась выпрямиться.

– Очень вкусно, – произнесла мама.

– Этот суп очень любил мой сын. – Свет в глазах миссис Густафсон сразу погас. – Для того чтобы приготовить здоровую еду, нужно всего несколько ингредиентов, но пищевая промышленность убедила американцев, что готовить им некогда. Вы едите безвкусные супы из банок, хотя лук-порей, слегка обжаренный в сливочном масле, имеет божественный вкус. И я стала еще больше это ценить после того, как случалось обходиться без него. Во время войны моей матери больше всего не хватало сахара, но я тосковала по сливочному маслу.

– Еды не хватало? – спросил папа.

– Хорошей еды. Не знаю, что было хуже из «военных деликатесов»: багеты с опилками из-за нехватки муки или супы из одной лишь воды и брюквы. Бесконечные очереди за мясом, молочными продуктами, фруктами и большинством овощей, но в продаже всегда была брюква. И когда я приехала в Монтану, знаете, что моя свекровь каждый раз добавляла в рагу? Брюкву!

Мы засмеялись. Миссис Густафсон заставляла нас смеяться, говоря о том и об этом, позволяя отвлечься от неестественной тишины, упавшей на нашу семью. И когда она встала, собираясь уйти, мама сказала:

– Спасибо вам, Одиль.

Наша соседка явно удивилась. Я подумала, что она не привыкла слышать свое имя.

– Да не за что, – наконец ответила она.

Когда мы с Мэри Луизой пришли ко мне после уроков, то сразу услышали смех, доносившийся из родительской спальни. Одиль сбросила туфли на высоком каблуке и придвинула кресло-качалку поближе к кровати. Мамины волосы были вымыты и уложены, на ее губах мы увидели такую же темно-красную помаду, как у Одиль. Мама выглядела красивой.

– Из-за чего вы смеетесь? – спросила Мэри Луиза.

– Одиль мне рассказывает, как ее родня по мужу училась произносить ее имя.

– Они меня называли Ордил!

– Замужество! Когда к лучшему, когда к худшему, и не важно, насколько чокнутой окажется родня, – сказала мама, и они обе снова засмеялись.

Когда мы с Мэри Луизой вышли за дверь, чтобы отправиться в мою комнату и заняться уроками, то услышали, как мама спросила:

– Если вы не против такого вопроса... где вы познакомились со своим мужем?

– В госпитале в Париже. В те дни срочнотрудовые должны были запрашивать разрешение командиров, чтобы жениться. Когда командир Бака ему отказал, Бак предложил ему сыграть в криббедж. Если Бак выиграет, то сможет жениться, а если проиграет, то будет целый месяц выносить судна из-под больных.

– Однако он был решителен!

Дальше слова превратились почти в шепот, так что мы с Мэри Луизой придвинулись ближе к двери.

– Он ничего мне не сказал, – тихо продолжила Одиль, – и когда я приехала, разразился скандал. Я хотела вернуться во Францию, но у меня не было денег на обратный билет. Я думала, люди должны прощать... Как будто мне нужно было их прощение!

– Что за скандал? – чуть слышно спросила Мэри Луиза. – Она что, была танцовщицей, канкан отплясывала? С ней поэтому не общаются?

– Это она ни с кем не говорит! – фыркнула я.

Мама провела зиму в спячке. После школы я ложилась рядом с ней и рассказывала о том, как прошел день. Она кивала, не открывая глаз. Папа держался неподалеку с готовым ромашковым чаем в любимой маминой фарфоровой чашке. Доктор Станчфилд прописывал новые таблетки, но маме не становилось лучше.

– Почему она не может встать? – спросил его однажды папа; мы вдвоем остановились у входной двери. – Ее утомляет малейшее усилие.

– Ее сердце сильно пострадало, – ответил Станч. – Ей осталось не так уж много...

– Месяцы? – спросил папа.

– Недели, – ответил Станч.

Когда папа все понял, он крепко меня обнял.

Мои родители твердили, что школа слишком важна, нельзя пропускать уроки, но папа взял на работе отпуск и сидел с мамой, не отходя от нее.

– Ты меня просто душишь! – как-то раз услышала я ее слова.

Они никогда не ссорились, но теперь папа, похоже, просто не знал, что лучше. Когда мама сердилась, она сразу начинала задыхаться. Боясь, как бы не сделать хуже, он вернулся на работу, исчезал на рассвете и возвращался с наступлением темноты. Не желая тревожить маму, спал он на кушетке. Ночью, когда дом затихал, я слышала мамины стоны. И каждый ее тяжелый вздох, каждый кашель пугали меня. Сжавшись в постели, я боялась пойти и посмотреть, все ли у нее в порядке.

Когда я рассказала Одиль о хриплом дыхании мамы, мне стало немного легче. Одиль знала, что делать. Она даже поставила раскладушку рядом с маминой кроватью, чтобы оставаться на ночь. Когда мама стала возражать, Одиль заверила ее, что ничего особенного в этом нет.

– Я спала с десятками солдат!

– Одиль! – воскликнула мама, бросив быстрый взгляд в мою сторону.

– Рядом с ними, в палате госпиталя, во время войны.

Ровно в девять скрипнула задняя дверь. Вернулся домой папа. Одиль сползла с раскладушки и пошла в кухню. Я тихонько прокралась следом за ней и прижалась к стене в коридоре.

– Ваша жена в вас нуждается, и ваша дочь тоже, – сказала Одиль.

– Бренда говорит, что, когда она видит меня таким несчастным, ей кажется, что она уже умерла.

– Так она поэтому не разрешает подругам навещать ее?

– Она терпеть не может слезы, даже если плачут из-за нее. Не хочет, чтобы ее жалели. Я хотел оставаться рядом с ней, но потом решил, что лучше соблюдать дистанцию, как ей того хочется.

– Но вам ведь не хочется потом об этом сожалеть.

Голос миссис Густафсон из едкого стал мягким. Как у мамы.

– Если бы все зависело от меня...

На другом конце коридора закашлялась в спальне мама. Проснулась ли она? Нужна ли я ей? Я бросилась к ее комнате. Но, внезапно испугавшись, застыла у изножия кровати.

За моей спиной возник папа.

– Бренда, милая?..

Одиль подтолкнула меня к маме, но я сопротивлялась. Мама потянулась ко мне. Я боялась взять ее руку и боялась не взять. Она меня обняла, и я замерла в ее объятиях.

– Так мало времени, – сказала мама едва слышно. – Так мало времени... Будь храброй...

Я попыталась сказать, что буду, но от страха у меня пропал голос. Через долгое мгновение мама оттолкнула меня и всмотрелась в мое лицо. Под ее печальным взглядом я вспоминала все то, что она говорила: младенцы могут проспать любовь. Гоготанье гусей, злоба ворон... Люди неловки, неуклюжи, они не знают, что сделать или сказать... Не вини их за это, мы ведь никогда не знаем, что у них на сердце. Мне хотелось назвать тебя Робин, но ты Лили. Ох, Лили...

Глава 5. Одиль

Париж, март 1939 года

– Звонила мадемуазель Ридер, – сообщила маман, когда мы с Реми вошли в дом. – Она желает тебя видеть.

Обернувшись к Реми, я увидела, как вспышка моей надежды отразилась в его глазах.

– Ты уверена, что поступить на работу – хорошая идея? – спросила маман.

– Уверена! – Я обняла ее.

Реми протянул мне свой зеленый ранец:

– На удачу. И для тех книг, которые ты вечно тащишь в дом.

Торопясь в библиотеку, пока мисс Ридер не передумала, я промчалась через внутренний двор и вверх по винтовой лестнице, а потом затормозила на пороге ее кабинета, где она сидела за столом, держа в руке серебряную ручку и изучая какие-то документы. Глаза у нее были усталыми, помада на губах давно стерлась, мисс Ридер выглядела измученной. Был уже восьмой час вечера. Она жестом предложила мне сесть.

– Разбираюсь с бюджетом, – сказала она.

И пояснила, что, как частное учреждение, библиотека не получает государственных средств, существует на средства попечителей и дарителей, зависит от них во всем – от покупки книг до платы за отопление.

– Но вам ни к чему об этом думать. – Мисс Ридер закрыла папку. – Профессор Коэн очень высокого мнения о вас, и на меня вы тоже произвели впечатление. Давайте поговорим о работе. Дело в том, что мы уже нанимали кандидатов, которые потом не смогли продолжать работу по тем или иным причинам, так что теперь мы просим служащих подписывать двухлетний контракт.

– А почему они уходили?

– Некоторые были иностранцами, а Франция слишком уж далека от их дома. Другим было трудно постоянно иметь дело с людьми. Как вы написали в вашем письме, эта библиотека – настоящий рай. И все наши сотрудники изо всех сил стараются, чтобы она такой и оставалась.

– Уверена, что справлюсь.

– Жалованье весьма скромное. Это для вас проблема?

– Ничуть.

– И еще одно. Служащие по очереди работают в выходные дни.

Мне не придется ходить на мессу или обедать с женихами?

– Я хочу работать по воскресеньям!

– Значит, место за вами! – торжественно произнесла мисс Ридер.

Я подпрыгнула на месте:

– Правда?

– Правда.

– Спасибо, я вас не подведу!

Она хитро подмигнула:

– И не лупить по башке читателей!

Я расхохоталась:

– Я не даю обещаний, которые не могу сдержать.

– Начинаете завтра, – сообщила она и вернулась к бюджету.

Я умчалась, надеясь застать Реми до того, как он уйдет на какое-нибудь политическое собрание, и наткнулась на него прямо у входа в библиотеку.

– Ты пришел!

– Каков приговор? – спросил брат. – Ты там целую вечность пропадала.

- Всего двадцать минут.
- Разницы никакой, – проворчал он.
- Я получила работу!
- А я что говорил?
- Я думала, ты пойдешь на собрание.
- Есть дела и поважнее.
- Но ты там председатель! Ты им нужен.
- А мне нужна ты. – Он легонько наступил мне на ногу. – Без тебя нет и меня.

Дома я сразу прошла в гостиную, где маман вязала шарф для меня.

– Ну? – Она отложила спицы.

– Я – библиотекарь!

Я рывком подняла ее с кресла и заставила провальсировать по комнате.

Раз-два-три... раз-два-три...

Книги-независимость-счастье!..

– Поздравляю, ma fille, – сказала она. – Обещаю убедить папá.

С намерением подготовиться к работе я ушла в свою комнату, чтобы еще раз просмотреть заметки по десятичной классификации Дьюи. Вчера в Люксембургском саду я видела нескольких 598 («Птицы»). Когда-нибудь я начну учить 469 («Португальский язык»). А для любви есть номер? А если бы я имела собственный номер, каким бы он был?

Я подумала о тете Каро, ведь именно она первая познакомила меня с десятичной классификацией Дьюи. Как мне нравилось в детстве сидеть у нее на коленях в Час чтения! Годы спустя, когда мне было уже девять, тетя показала мне каталог карточек – необычный деревянный предмет, состоявший из множества крошечных ящичков с табличками на каждом из них.

– Здесь ты найдешь все тайны Вселенной! – Тетя Каро открыла ящичек с буквой «Н», в нем лежали десятки и десятки карточек. – На каждой записана информация, открывающая другие миры. Почему бы тебе не заглянуть? Могу поспорить, тебе понравится!

Я сунула нос в ящичек. Перебрав несколько карточек, я наткнулась на некую сладость:

– Нуга!

Тетя научила меня находить следующую подсказку, шифр, который привел нас к конкретной секции, полке и к нужной книге. Настоящий поиск сокровищ!

Тетя Каро обладала тончайшей талией и величайшим мозгом. У нее были голубые, как у маман, глаза, но если глаза моей матери поблекли, как одна из старых военно-морских рубашек папá, то глаза тети Каро светились жизнью. Как читатель, она была всеядна, глотала научную литературу, книги по математике, истории, читала пьесы и стихи... Ее книжные полки были битком набиты, а туалетный столик представлял собой свалку из румян и Дороти Паркер, туши для ресниц и Монтегю. В ее гардеробе лежали Гораций и туфли на высоком каблуке, чулки и Стейнбек. Ее любовь к книгам и любовь ко мне окутывали мою жизнь, как аромат ее любимых духов «Шалимар».

Воспоминания о тете Каро напомнили мне о том, почему мне была так необходима эта работа.

В свой первый рабочий день я нервничала куда сильнее, чем на собеседовании. А вдруг я разочарую мисс Ридер? Или кто-нибудь задаст мне вопрос, на который я не смогу ответить? Если бы только тетя Каро все еще была с нами! Я бы ей запретила приходить сюда в мой первый день, но она все равно пришла бы. Нагруженная томиком Шелли и Блейка, она бы подмигнула мне, и все мои волнения тут же растаяли бы, стоило только припомнить ее слова: «Все ответы здесь, нужно только поискать».

– Знакомьтесь, – оживленно сказала директриса, представляя мне Бориса Нечаеффа, учтивого франко-русского главного библиотекаря, как всегда в безупречном синем костюме и при галстуке.

У стола абонементы читатели выстраивались перед ним в ряд, как перед приходским священником, чтобы приобщиться, обменяться словечком. Свет в его зеленых глазах никогда не угасал, даже когда он выслушивал бесконечные истории читателей. Он знал, где найти наилучшую одежду – «Мой человек в универмаге „Базар де ль’Отель де Виль“ не посоветует вам плохого», – знал, на что нужно обращать внимание, покупая лошадь... Строгая миссис Тернбулл говорила, что он из семьи аристократов, владевших целой конюшней чистокровок. Мистер Прайс-Джонс утверждал, что Борис служил в русской армии. Слухов в библиотеке было столько же, сколько и книг.

Борис был известен также своей библиотерапией. Он знал, какие книги исцеляют разбитое сердце, что читать в летний день, какой именно роман следует выбрать для путешествия. Когда я впервые пришла в библиотеку без тети Каро, уже десять лет назад, высокие стеллажи будто надвинулись на меня. Названия, отпечатанные на переплетах, не разговаривали со мной, как прежде. Я вдруг заметила, что книги расплываются передо мной из-за слез.

Борис с озабоченным видом подошел ко мне.

– Вас разве не ваша тетушка привела? – спросил он. – Мы уже давно ее не видели.

– Она больше не придет.

Он нашел на полках одну книгу:

– Это о семье и о потере. И о том, что у нас могут случаться моменты радости даже тогда, когда нам плохо.

Я не боюсь штормов, потому что учусь управлять своим кораблем.

«Маленькие женщины» Луизы Мэй Олкотт до сих пор остаются одной из моих любимых книг.

– Борис начинал здесь как мальчик на побегушках, что-то вроде библиотечного подмастерья, – сказала мне мисс Ридер. – И он знает абсолютно все об Американской библиотеке.

Он пожал мне руку:

– Вы из наших читателей.

Я кивнула, мне польстило то, что он узнал меня. Но прежде, чем я успела ответить, мисс Ридер стремительно увлекла меня в читальный зал, где мы подошли к женщине, которая что-то писала у окна. Ее лицо обрамляли седые волосы, темные очки висели на самом кончике носа. Перед ней на столе лежали книги о елизаветинской Англии. Мисс Ридер представила меня члену правления графине Кларе де Шамбре. Мне было знакомо это имя. Я недавно дочитала «Игру с сердцами», один из ее романов. Графиня – и настоящий писатель!

– Изучаете очередную книгу о менестрелях? – спросила директриса. – Почему бы вам не устроиться в моем кабинете?

– Я не нуждаюсь в особом отношении! Я такой же читатель, как все остальные.

Выговор графини был явно не французским, но это не был и английский акцент. А в Америке есть графини? Что ж, эта загадка разрешится в ближайшее время.

Директриса повела меня в зал периодической литературы, где я и должна была работать. По пути она познакомила меня со своей секретаршей мадемуазель Фрикарт, наполовину французской, наполовину шведкой, с бухгалтером мисс Уэдд, британкой, и с архивариусом Питером Устиноффом, американцем.

Я окинула взглядом длинные полки, на которых хранились пятнадцать ежедневных изданий и триста периодических – из Америки, Англии, Франции, Германии и даже из таких далеких стран, как Япония. Когда мисс Ридер сказала мне, что я также буду отвечать за доску объявлений, информационный бюллетень и колонку новостей Американской библиотеки в «Геральд», я запаниковала, решив, что не справлюсь со всем этим.

– Знаете, – сказала мисс Ридер, – я начинала как раз в этом отделе, и посмотрите, где я теперь.

Мы насладились мгновением причастности, наблюдая за читателями, сидевшими со склоненными головами, почтительно державшими в руках книги.

К нам подошел мистер Прайс-Джонс. Он напоминал мне журавля, шутки ради повязавшего шотландский галстук-бабочку. С ним был какой-то читатель, благодаря своим пушистым белым усам похожий на моржа.

– Добрый день, джентльмены, прошу приветствовать новейшее пополнение нашего штата, – объявила мисс Ридер, после чего вернулась в свой кабинет.

– Спасибо за совет отложить доводы, – сказала я мистеру Прайс-Джонсу.

– Рад, что вы получили это место, – кивнул он, и его галстук-бабочка слегка качнулся. Показав на своего спутника, Прайс-Джонс добавил: – Этот вероломный журналист – Джеффри де Нерсиа. Он уверен, что библиотечный экземпляр «Геральд» принадлежит ему.

– Снова сеете ложь, старина? – улыбнулся месье де Нерсиа. – Вы, дипломаты, только это и умеете.

– А я Одиль Суше, библиотекарь и арбитр, – пошутила я.

– А где ваш свисток? – спросил мистер Прайс-Джонс. – С нами он вам просто необходим.

– Да, наши скандалы вошли в легенду, – похвастался месье де Нерсиа.

– Громче нас может кричать только графиня.

– Об этом мы узнали, когда она умудрилась влезть между нами и потребовать, чтобы мы решали наши разногласия на улице. – Француз посмотрел на Клару де Шамбре.

– Она меня просто напугала! Я даже подумал, что она вот-вот схватит меня за ухо!

– Эта милая леди может хватать меня за все, что ей вздумается, – усмехнулся месье де Нерсиа.

– Сомневаюсь, чтобы ее муж с этим согласился.

– А он генерал... Да, лучше быть поосторожнее.

Эти двое продолжили болтать, я же пока оставила ежедневные издания и стала знакомиться с журналами. Вскоре я просто потерялась в их оглавлениях, мой ум заполнился историей, модами, текущими событиями...

– Мадемуазель Одиль!

Погруженная в рабочий туман, я едва расслышала свое имя.

– Простите, мадемуазель...

Я ощутила чью-то руку на своем плече. Подняв голову, я увидела Поля.

Выглядел он ошеломительно: в мундире *les hirondelles*, «ласточек», полисменов, которые патрулируют на велосипедах. Его темно-синий плащ подчеркивал ширину груди. Должно быть, он пришел прямо со службы.

Как-то раз, когда я читала в парке в ветреный день, порыв ветра перевернул страницы, и я потеряла нужную. Поль заставил мое сердце затрепетать точно так же, как те страницы.

А потом мне в голову пришла устрашающая мысль: что, если его прислал папá?

– Что вы здесь делаете?! – резко спросила я.

– Я пришел не из-за вас.

– Я так и не думала, – соврала я.

– Многие туристы спрашивают полицейских о том, как им куда-то добраться. Мне нужна книга, которая поможет улучшить мой английский.

– Мой отец говорил вам, что я получила здесь место?

– Я слышал, как он ворчал насчет высокомерных женщин.

– И вы следуете за подсказкой, – язвительно заметила я. – Скоро он сделает вас старшим детективом. Как вам и хочется.

– Вы понятия не имеете о том, чего мне хочется. – Он достал из своего рабочего планшета маленький букетик цветов. – Это с пожеланием удачи в первый рабочий день.

Мне бы следовало поблагодарить его, поцеловав в щеку, но я смутилась и сунула нос в цветы. Мои любимые бледно-желтые нарциссы, предвестники весны.

– Помочь вам найти нужные книги?

– Мне пойдет на пользу, если я найду их сам. – Он показал мне библиотечную карточку. – Я намерен проводить здесь немало времени.

Поль быстрым шагом направился к комнате справок, оставив меня бродить между стеллажами. Карточка у него была новенькой. Возможно, он действительно пришел из-за меня.

Все то утро читатели по большей части весьма терпеливо ждали, пока я помогала им найти нужную периодику, только один начал жаловаться.

– Почему здесь никто не может уследить за «Геральд»? – ворчал он.

Позже я нашла газету засунутой под портфель месье де Нерсиа.

Какой-то шум заставил меня выйти из зала периодики к столу абонемента. Там раскрасневшаяся женщина размахивала перед лицом Бориса какой-то книгой и кричала, что библиотека должна прекратить выдавать «аморальные» романы. Когда Борис отказался подвергать собрание цензуре, она унеслась на улицу.

– Не надо так удивляться, – сказал мне Борис. – Это случается по меньшей мере раз в неделю. Кто-нибудь всегда думает, что наша работа – охранять мораль.

– Чисто из любопытства, о какой книге она говорила?

– О «Стадсе Лонигане» Фаррела.

– Возьму на заметку, надо прочитать.

Борис засмеялся, и я, глядя на него, невольно подумала, что это очень странно – но и прекрасно! – что мы теперь стали коллегами.

– У меня есть кое-что для вас, – сказал он.

– Вот как?

Я понадеялась, что он выбрал для меня какой-то роман. Но вместо того Борис предложил список из семидесяти книг, которые я должна была собрать и упаковать для наших иногородних читателей. Я глянула на часы. Уже два часа дня. Я была так занята, что забыла пообещать. А теперь уже слишком поздно. От «Лета», 813, до «Алкоголя», 841, поиски сокровищ гоняли меня через три этажа стеллажей. К шести вечера у меня болели ноги, и голова тоже. Я никогда не чувствовала себя такой измученной, даже во время экзаменов. Я познакомилась с двумя десятками людей, но не могла вспомнить ни единого имени. Я весь день говорила на английском, отвечая на десятки вопросов: «Правда ли, что французы едят лягушачьи лапки, и если так, что они делают с остальной частью лягушки?» – «Могу я получить доступ в архив?» – «Где комната отдыха?» – «Что вы сказали, девушка? Погромче!» И к концу смены у меня уже не работал язык. Это было похоже на то, как если бы вы открыли роман, а внутри нашли только пустые страницы.

Прихватив свои увядшие нарциссы, я вышла на вечерний холод. Булыжники дорожки покрылись инеем и стали скользкими. Мозоли на моих ступнях болезненно пульсировали. Дорога домой, казалось, должна была занять пятнадцать лет вместо пятнадцати минут. Хромая по тротуару, я увидела, что впереди, в тусклом свете *lampadaire*³, притаился черный автомобиль. Из него вышел мой отец и открыл дверцу с пассажирской стороны.

– Ох, папá, merci...

Чувствуя облегчение оттого, что снова вернулась к французскому, я скользнула на сиденье – я впервые села после завтрака.

– Проголодалась?

---

³ Уличный фонарь (*фр.*).

Папá протянул мне коробку десерта «Сент-Оноре». Открывая ее, я вдохнула маслянистый аромат финансье, прежде чем откусить кусочек. Пирожное рассыпалось у меня во рту, я закрыла глаза, медленно пережевывая.

– Ça va?⁴ – спросил он. – Первый день, а ты уже измучилась. У тебя ведь не начался приступ головной боли?

– Я в порядке, папá.

– В твоём возрасте, – заговорил он нежно, – мы с маман просто старались пережить войну и горевали по друзьям и родным. Тебе всего двадцать, и мы хотим, чтобы ты наслаждалась молодостью, нашла кавалера, ходила на танцы, а не трудилась, как рабыня на какой-то книжной фабрике.

– Папá, прошу, только не сегодня...

Всю мою жизнь родители говорили о войне, и их слова рикошетом сыпались вокруг: танки и окопы, горчичный газ и искалеченные солдаты...

– Хорошо, поговорим о чем-нибудь другом. Поскольку ты теперь будешь работать по воскресеньям, я пригласил одного знакомого на ужин в среду. Этот утверждает, что любит читать!

---

⁴ Все в порядке? (фр.)

Глава 6. Одиль

Каждое утро перед открытием библиотеки я заглядывала в разные отделы. В понедельник я договорилась о встрече с мисс Уэдд, бухгалтером, которая славилась острым умом и восхитительными лепешками. Когда она склонилась над grossбухом, я увидела, что в узел ее каштановых волос воткнуты три карандаша. После того как она объяснила мне строки расходов – на все, от угля и дров до книг и клея для переплетов, – я спросила, можно ли кое о чем ее расспросить. У меня появилась некая идея насчет ежемесячного информационного бюллетеня, составление которого мисс Ридер вменила мне в обязанность. В дополнение к обычным академическим обзорам и спискам наиболее востребованных книг мне хотелось включить что-нибудь более личное о читателях и персонале.

– Какие книги вы любите? – спросила я, приготовив блокнот.

– В школе мне нравилась математика. В числах я всегда видела больше смысла, чем в людях. Поэтому мои любимые книги – это книги древних греков, Пифагора и Гераклита. Мы ведь до сих пор пользуемся их идеями. Я ведь не такая, как Борис и мисс Ридер. Я не люблю общаться с людьми. – Мисс Уэдд воткнула в волосы четвертый карандаш. – Но я надеюсь, что и мой вклад имеет значение, пусть небольшое. Уже больше десяти лет я заполняю страницы отчетами о вкладах щедрых дарителей и служащих, работающих долгие часы, только я пишу вертикальные строчки, а не горизонтальные.

Расспрашивать мисс Уэдд было все равно что наблюдать за расцветающей розой: она распрямлялась, лепестки ее щек розовели от страсти.

– Спасибо, – поблагодарила я, радуясь тому, что выбрала именно ее. – Читателям понравятся ваши ответы, а мне теперь хочется прочесть Гераклита.

И еще я наслаждалась тем, что узнавала своих коллег. Во вторник я провела некоторое время с Питером, единственным человеком, достаточно высоким для того, чтобы дотягиваться до верхних полок. Выкладывая на тележку книги по номерам, он подбирал десяток за то время, пока я находила две. Он был сложен как боксер, но, когда слышал за полками заботливый голос мадам Фрот: «Питер, милый, ох, Питер...» – тут же сбегал в туалетную комнату, чтобы спрятаться от влюбленной читательницы.

В среду я отправилась в детский зал, где вдоль стен стояли невысокие полки, а перед камином сгрудились маленькие столы и стулья. Хотя я ни разу еще не видела детского библиотекаря Мюриэль Жубер, мне казалось, что я знаю ее, потому что аккуратная подпись Мюриэль появлялась на каждой карточке книг, которые я выбирала. За одну только прошлую неделю она меня обошла, прочитав романы «Моя Антония», «Белинду» и «Увлекательную повесть жизни Олаудаха Эквиано». Учитывая такой выбор книг, я представляла себе седовласую леди. А вместо этого нашла девушку моего возраста, внимательно посмотревшую на меня умными фиолетовыми глазами. Даже с косой, уложенной наподобие короны на голове, она не достигала в высоту и пяти футов.

– Мадемуазель Жубер? – спросила я.

Она предложила звать ее Битси, Кроха, как звали ее все с тех пор, как один читатель из Техаса, посмотрев на нее, воскликнул: «Ох, да ты просто крохотуля!» И добавила, что хотела со мной познакомиться с того самого дня, когда увидела мое имя на карточке одного из ее любимых романов.

– Мы родня по чтению, – сказала она таким тоном, каким кто-нибудь сказал бы: «Небо голубое» или «Париж – лучший город в мире».

Я скептически относилась к родству душ, но вполне могла поверить в книжное родство, в связь двух людей, одержимых страстью к чтению.

Битси предложила мне «Братьев Карамазовых».

– Я плакала, когда дочитала до конца. – Ее явно переполняли чувства. – Сначала потому, что счастлива была прочитать эту книгу. А еще потому, что это такая трогательная история. И третье – потому, что мне уже не удастся заново совершить такое открытие.

– Из авторов прошлого Достоевский – мой любимый, – сказала я.

– И мой тоже. А из современных кто?

– Зора Нил Херстон. Когда я впервые читала «Их глаза видели Бога», то буквально глотала главу за главой. Мне просто необходимо было выяснить, что произошло потом. Выйдет ли Джейни за дурного человека? Оправдает ли Ти Кей мои надежды? А потом, когда уже оставалось совсем немного страниц, я начала страшиться того, что этот мир, который я полюбила, подходит к концу. Я не готова была с ним расстаться. И стала читать медленно, смакуя каждый эпизод.

– Я поступила точно так же, – кивнула мадемуазель Жубер. – Старалась растянуть каждую страницу, насколько могла.

– А я прочитала весь роман за четыре дня, но держала его у себя полные две недели. Когда пришла пора сдавать его, я положила книгу на стойку абонементов, но никак не могла убрать руку с обложки. Борис нашел мне еще три книги мисс Херстон. Я и их с наслаждением проглотила, будто шоколадное пирожное. И я так переживала за героев, что они стали для меня реальными. Я просто чувствовала, что знакома с Джейни, что она однажды может войти в эту библиотеку и пригласить меня на чашечку кофе.

– И у меня такое же чувство к любимым героям, – кивнула Битси.

Подошла чья-то мамаша:

– Мой сын выбрал вот это. – Она держала в руках две книги рассказов для детей. – Но они кажутся мне уж очень... ну, захватанными.

– Потому что их очень любят, – ответила Битси. – Но если хотите, у нас на полке новых поступлений есть чистые книги.

Когда Битси одними губами сказала мне: «Пора за работу» – и увела мамашу с ребенком к выставке новых книг, я заглянула в справочный отдел, надеясь увидеть там Поля, но его уже не было.

Разочарованная, я пошла к своему рабочему столу, где наша читательница нервничала, желая получить модный журнал «Харперс базар».

– Где вы пропадали? – выбрала меня мадам Симон.

Когда же я протянула ей последний выпуск, еще в коричневой обертке, она смягчилась, признавшись, что дома она всегда последняя в очереди на чтение. Ее зубные протезы шатались, когда она говорила. Все ее имущество – облезшая норка, доставшаяся от умершей тетушки, фальшивые зубы, которые принадлежали прежде ее свекрови, да и все остальное тоже было прежде чьим-то. Но здесь она могла первой насладиться модами, хотя и не могла ничего себе позволить. «Или найти что-то такое, что мне подошло бы», – пожаловалась мадам Симон, обводя толстыми руками свою крепкую фигуру. Она уселась рядом с профессором Коэн.

Посмотрев на Бориса, мадам сказала:

– Говорят, во время русской революции его семья потеряла все свое состояние. И ему пришлось начинать заново здесь, во Франции. Был нищим, как паупер.

– Как бы то ни было, в любой ситуации он держится как принц, – сказала профессор.

– А его жена – принцесса или была ею. А теперь – кассир. Как низко можно пасть!

– Так говорит тот, кому никогда не приходилось зарабатывать на жизнь.

Мимо прошла Клара де Шамбре с грудой газет в руках.

– А кстати, о знатности, – съязвила мадам. – Как насчет графини из Огайо?

– У вас сегодня точно таракан в голове бродит и здорово кусается. Клара – прекрасный попечитель, она знает, как увеличить фонды. И вы бы здесь не сидели, если бы не она. А коли уж вы так очарованы модами, скажу вот что: монстрам ничто не пойдёт.

Глава 7. Маргарет

Париж, март 1939 года

Нервно перебирая жемчужные бусы, Маргарет замялась перед входом в Американскую библиотеку. Там было тихо, как в соборе, и она не была уверена, что ей следует войти. Маргарет, безусловно, не была американкой, и она не интересовалась книгами. Но после четырех месяцев в Париже она тосковала по английскому языку в любом виде. Французский был чем-то вроде гундосого болота, через которое ей приходилось пробираться в магазинах, парикмахерской и булочной. Никто во всех этих местах по-английски не говорил. И Маргарет сводила французский к минимуму, просто поднимая палец, чтобы пояснить: ей нужен один круассан. И кивала, показывая, что поняла собеседника, а если же не понимала, то пожимала плечами.

Дома в основном говорил ее муж Лоуренс. Няня ухаживала за Кристиной, а Джеймсон следил за квартирой так же деловито, как в Лондоне. Она никому не была нужна. Маргарет вообще почти не разговаривала.

Ей казалось, что она полюбит Париж. Город прославленных кутюрье, изящного дамского белья, парфюма... Но ходить по магазинам в одиночестве было невесело. Когда Маргарет примеряла платья, ни одна из подруг не восхищалась ее фигурой. А больше всего на свете Маргарет хотелось услышать мнение матери: ее ли цвета этот туалет, нужно ей откровенничать с Лоуренсом или пусть живет по-своему? Что в Париже удивляло Маргарет больше всего, так это не роскошные платья или духи Жанны Ланвен и не дерзкие шляпки дам, а то, что она отчаянно скучала по матери.

Маргарет не разбиралась в незнакомых деньгах. И продавщицы ее нещадно обманывали. Когда она покупала чулки, они на своем уродливом языке сообщали ей, что семьдесят пять франков – это цена одного чулка, а не пары. И только когда стоявшая позади парижанка купила такие же чулки, Маргарет заплатила половину. Но она не умела ссориться, настаивать. Она могла только топнуть ногой, отчего продавщицы хихикали. И шутки на ее счет звучали постоянно.

Маргарет просто перестала выходить из дому. Она бродила по квартире или пряталась среди вечерних туалетов в гардеробной и плакала, хотя глупо было чувствовать себя несчастной в самом прославленном из всех городов мира. А как она хвасталась перед подругами! «Я буду жить в романтической столице мира! О-ла-ла! Со мной будут флиртовать парижане! О-ла-ла! Шампанское! Шоколад! Вы должны приехать в гости!» И как же ее смутила правда! Она бы скорее умерла, чем рассказала бы подругам. Не то чтобы они звонили ей или писали, нет... Покинув Лондон, Маргарет исчезла из их мира.

Этим утром жена консула, добрая женщина, пусть и слегка старомодная, зашла к Маргарет. Когда Джеймсон доложил о ней, Маргарет бросилась к зеркалу. Она и не помнила, когда в последний раз мыла волосы. Ее глаза были красными. Маргарет стало стыдно от того, как жалко она выглядит. Ей бы велеть дворецкому отказать миссис Дэвис, но Маргарет так отчаянно нуждалась в друзьях, а это была ее первая гостья... Маргарет быстро сменила несвежий пеньюар на платье. Жена консула посмотрела на Маргарет и настояла на том, чтобы та посетила Американскую библиотеку прямо сегодня утром. И вот Маргарет пришла сюда.

Здесь царил легкий приятельский дух, с каким Маргарет никогда прежде не сталкивалась. Женщины не спрашивали: «А чем занимается ваш муж?» Скорее, их интересовало, что она читает. Маргарет вздохнула. Еще один вариант разговора без ее участия.

– Добро пожаловать в нашу библиотеку!

Платье на библиотекаре казалось тусклым, но сама она выглядела неплохо, волосы были убраны в узел. А глаза сверкали, как драгоценности, которые второй муж Марджори Симпсон подарил ей на их третью годовщину. Лоуренс давно уже не дарит Маргарет таких украшений.

– Могу я помочь вам найти что-то?

Маргарет прикусила нижнюю губу, ей хотелось бы сказать, чего она хочет, но... Вместо этого она спросила:

– У вас найдутся какие-нибудь книжки для моей дочери? Ей четыре.

Библиотекарь вскинула голову:

– Как насчет «Красавицы-козочки»?

– Вы не представляете, какое это для меня облегчение – очутиться в месте, где говорят по-английски! Париж такой иностранный... – Маргарет умолкла. Что-то она не то говорит. Все, что она говорит, неправильно... – Конечно, я понимаю, во Франции это я – иностранка.

– Вы привыкнете, и вам у нас понравится, – успокоила ее библиотекарь. – У нас много читателей из Англии и Канады.

– Чудесно... А не найдется ли у вас что-нибудь и для меня?

– Возможно, какой-нибудь роман Дороти Уиппл? «Приорат» – один из моих любимых.

Вообще-то, Маргарет подразумевала журналы. Она не открывала книг после тоскливой Джордж Элиот в пансионе благородных девиц.

– Или «Мисс Петтигрю живет одним днем», это вроде сказки о Золушке для взрослых.

Со сказкой Маргарет могла бы справиться.

– Если у вас трудности с французским, у нас есть несколько замечательных учебников. Давайте посмотрим...

Маргарет была тронута таким вниманием. На приемах в посольстве люди, болтая с Маргарет, одним глазом посматривали на нее, а другим обшаривали комнату. Едва заметив кого-нибудь поважнее, они удирали от нее на полуслове.

– А если предпочитаете журналы, – добавила библиотекарь, – у нас есть «Вог».

Вид у нее был слегка разочарованный, так что Маргарет сказала:

– Я возьму книги.

– Пойдемте. – Библиотекарь просто загорелась энтузиазмом. – Кстати, меня зовут Одиль.

– Я Маргарет.

Но вместо того, чтобы пойти к стеллажам, Одиль направилась к лестнице вверх. Маргарет последовала за ней и, когда они вошли в дверь с табличкой «Только для персонала», спросила:

– Куда это мы идем?

– Увидите.

В крошечной комнате отдыха Одиль поставила на стол две разномастные чайные чашки и тарелку с простыми лепешками. Когда библиотекарь отвернулась, чтобы поставить чайник на электрическую плитку, Маргарет провела пальцем по шершавой поверхности лепешки, так похожей на те, что пекла ее мама. Да, Париж был битком набит кулинарными изысками, и Маргарет могла здесь попировать. Но она тосковала по чему-нибудь знакомому.

Одиль села за стол и жестом предложила Маргарет устроиться рядом.

– Raconte. Это значит – «расскажите мне».

И впервые с того дня, как она приехала в Париж, Маргарет почувствовала себя счастливой, почувствовала себя дома.

Глава 8. Одиль

Упали сумерки – волшебное время между днем и ночью. Читатели расписались за книги и ушли до следующего дня, и тишина сплела свою паутину над столами и стульями. Я любила библиотеку вот такой, когда вся ее безмятежность, казалось, принадлежала только мне одной.

Я помогла Борису занести в толстую канцелярскую книгу в кожаном переплете количество сегодняшних посетителей – 287, и сколько выдано книг – 936, и подробности библиотечной жизни: еще одна беременная упала в обморок, она как раз читала сорок третью страницу «Будущей матери».

– Поздно уже, – сказал Борис. – Вы не обязаны задерживаться.

– Мне хочется.

Борис элегантно махнул рукой, прикрытой манжетой, в сторону пустого читального зала:

– Настоящий рай, не так ли?

И так начался наш вечерний балет, хореография которого совершенствовалась за последние месяцы. Борис убедился, что окна заперты и закрыты шторами, я приглушила свет, предупреждая упорных ученых в справочном отделе, что библиотека вскоре закроется. Мы оба молчали, выравнивая стулья. Имелось много вопросов, которые следовало обсудить, и заданий, но все это могло подождать до завтра. После того как мы целый день отвечали на вопросы, эта тишина становилась нашей наградой. Я гадала, права ли мадам Симон, был ли Борис настоящим аристократом. И думала, станет ли он когда-нибудь доверять мне настолько, чтобы рассказать что-нибудь о своей жизни.

Была моя очередь прогонять читателей, так что я начала обход. Проходя между полками с документальной литературой, я обычно видела названия, которых не замечала в течение дня. Этим вечером я обнаружила книгу «Как вскипятить воду в бумажном пакете». В справочном зале я, заглянув между стеллажами, совершила наилучшее открытие – Поля. Он внимательно читал учебник английского языка.

Когда он расцеловал меня в обе щеки, я постаралась вдохнуть его запах. От его кожи пахло табаком, и это походило на запах моего любимого сорта чая «Лапсанг сушонг». Наверное, мне следовало отступить назад, но книги были снисходительными дуэньями.

– Что, уже закрываетесь? – спросил Поль. – Извините, что задерживаю вас.

– Все в порядке.

Задержи меня. Задержи меня для себя.

– Я уже несколько раз сюда приходил.

– Вот как?

– Да, но вы были заняты с другими читателями.

Мы стояли в нескольких сантиметрах друг от друга, и все равно казалось, что слишком далеко. Я позволила своим пальцам коснуться его щеки. Вчера, если бы кто-нибудь сказал мне, что мы начнем целоваться среди книжных полок, я бы обвинила такого человека в том, что он надышался каннабисом. И тем не менее это нежное столкновение казалось прекрасным и безусловно правильным.

Мне приходилось читать о страсти – Анна и Вронский, Джейн и мистер Рочестер, – и меня при этом охватывала дрожь волнения, или мне так казалось. Но никакие напечатанные на бумаге эпизоды не могли сравниться с удовольствием от этого поцелуя.

Услышав цоканье высоких каблуков по паркету, мы с Полем разом сделали шаг назад. Хотя мы едва прикоснулись друг к другу, каждая частица моего тела – кожа, кровь, кости – чувствовала Поля.

– А-а, вот вы где. – Мисс Ридер перевела взгляд с меня на Поля.

– Спасибо, э-э... мадемуазель Суше, – пробормотал он. – Теперь я знаю, где найти нужную справку о... о причастии прошедшего времени.

Он отдал мне учебник и быстро ушел.

Губы директрисы весело изогнулись.

– Вас ждет мисс Уэдд.

– Мисс Уэдд?

– Сегодня день жалованья.

Ну конечно! Сегодня выдают жалованье. Как я могла забыть?

– И что вы сделаете со своими первыми деньгами?

– Сделаю?..

В моем уме все перепуталось.

– Конечно, вы захотите сберечь большую их часть. Всегда важно иметь какой-то запас, но точно так же важно и отметить это событие, возможно, сделать какой-то подарок тем, кто направил вас на этот путь.

– О, это весьма разумно... – Мне бы хотелось самостоятельно набрести на эту мысль. – А вы кого поблагодарили?

– Мою матушку и лучшую подругу. Я побаловала их книгами. А теперь, пожалуйста, не заставляйте мисс Уэдд ждать.

Я поспешила к жизнерадостной бухгалтерше. Этим вечером из узла на ее голове торчали всего два карандаша.

– Вы были правы насчет того греческого философа, Гераклита. Мне очень понравилось, что он говорил: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку».

– Да, единственное, с чем мы можем считаться, – это перемены, – согласилась мисс Уэдд.

Она отсчитала мое жалованье. Каждый франк представлял собой победу, когда я отвечала на какой-то вопрос; смущение – если путалась, и целые дни разговоров на чужом языке, и ночи чтения, чтобы знать, как и кому можно рекомендовать какую-то книгу... Я знала, что полюблю свою работу, но была удивлена тем, сколько в ней оказалось разного рода трудностей.

Я спрятала деньги в карман. Вот это и было настоящей причиной того, почему я хотела найти работу: деньги означали уверенность. Я не желала закончить свою жизнь в нищете и одиночестве, как тетя Каролина.

На другой день я отправилась в банк и положила свои деньги на счет, оставив лишь несколько франков на расходы. Потом я пошла на вокзал, чтобы купить два билета до Фонтенбло, – это в знак благодарности Реми за его постоянную поддержку. Больше музыки и книг он любил бродить по лесу. Я хотела преподнести ему подарок за ужином, но он лишь слегка перекусил и сбежал в свою комнату.

– Он вообще уже ничего не ест, – заворчала маман. – Ему не нравится, как я готовлю?

Папá сжал ее пухлую руку:

– Все очень вкусно!

– Но в последнее время ты предпочитаешь ужинать вне дома, – резко откликнулась она.

– Ну что ты, Гортензия! – лстиво пробормотал отец.

– Почему бы тебе не пойти проверить, как там Реми? – обратилась маман ко мне.

Брат сидел за своим письменным столом, перед ним лежали газеты. Я вручила ему билеты, думая, что он захочет, чтобы мы поехали сразу. Но он лишь рассеянно чмокнул меня в щеку. Он все больше и больше отдалялся. Даже когда он был с нами, его не было. Я скучала по нему. Он и сейчас ничего не сказал, хотя и не вернулся к своим заметкам.

– Ты сегодня был на занятиях?

– Какой смысл изучать законы, если их никто не уважает? Германия захватывает Австрию... Японские солдаты мародерствуют в Китае... Мир сошел с ума, и никому нет до этого дела!

В каком-то смысле он был прав. Хотя мне перепалки между нашими читателями казались куда более реальными, чем далекие конфликты. Припоминая последний спор, я схватила со стола обрывок бумаги и приложила к своему горлу:

– Это мистер Прайс-Джонс в шотландском галстук-бабочке. – Я перенесла бумажку ко рту. – А это мистер де Нерсиа с моржовыми усами.

Галстук-бабочка: «Необходимо перевооружение! Мы должны быть готовы к войне!»

Усы: «Нам нужен мир, а не лишнее оружие».

Галстук-бабочка: «Страус! Хватит прятать голову в песок!»

Усы: «Лучше быть страусом, чем ослом! Во время Великой войны...»

Галстук-бабочка: «Не понимаю, почему вы тянете одну и ту же песню о той войне! Единственное, что после нее осталось прежним, – это ваша ужасная стрижка!»

Реми засмеялся.

– Если тебе это кажется забавным, то нам с тобой следует устроить представление у нас в библиотеке.

– Послушай, у меня жесткие сроки сдачи статьи...

– Приходи к нам, – умоляюще произнесла я. – Тебе нужно отвлечься.

По четвергам в нашей библиотеке происходил Час чтения, мое любимое событие за всю неделю. Мне нравилось наблюдать, как малыши погружались в разные истории, точно так же как я сама когда-то с тетей Каро. По пути туда я заглянула в справочный зал, надеясь увидеть Поля. Но его там не было. «Смерть сердца», Элизабет Боуэн, 823. Я сказала себе, что он просто не может посещать библиотеку каждый день. Вспоминая наш поцелуй, я коснулась пальцем своих губ. Но, может быть, он заглянет в ближайшие дни?..

В детском зале я подошла к камину, у которого уже собралось несколько мамочек. Большинство разговаривали между собой, но одна стояла в сторонке.

– Привет, – сказала она, перебирая в пальцах жемчужные бусы. – Рада видеть вас снова. Это была та самая милая англичанка. Марго? Нет, Маргарет.

– «Приорат» оказался прекрасен, – продолжила она. – Мне он так понравился, что я нашла еще три книги миссис Уиппл. Я раньше не слишком много читала, но теперь решила, что моя дочь и я должны читать вместе каждый день.

– Которая здесь ваша? – спросила я.

Маргарет показала на светловолосую девочку, сидевшую рядом с малышкой Бориса Элен. Девочки оживленно болтали, ожидая, когда Битси начнет читать, что уже должно было случиться с минуты на минуту. Я посмотрела на часы над дверью – и с удивлением увидела, что в зал входит Реми. Он обошел детишек, направляясь ко мне.

– Рада, что ты пришел, – сказала я брату.

– Как я мог устоять после того, как ты устроила театр одной актрисы? Мне захотелось провести немного времени с тобой, в твоём любимом месте. Мы оба были уж слишком заняты...

– Но сейчас ты здесь, и только это имеет значение.

Усевшись на табурет, Битси перелистала страницы книги. Она откашлялась, и комната затихла. Двадцать малышей придвинулись ближе к ней. Битси начала читать «Мисс Мэйси», и ее голос звучал все более выразительно, взгляд завораживал слушателей. Какой-то мальчик зачарованно потрогал ее юбку, спускавшуюся до ее балетных туфель.

Поглядывая на Реми, я обнаружила, что у Битси появился еще один поклонник – взгляд брата не отрывался от ее лица. Когда она закончила читать, он зааплодировал, и остальные присоединились к нему.

– Так это и есть твоя родня по книгам? – спросил брат. – Она и в самом деле так же начитана, как и ты?

– Пожалуй, даже больше.

– Она талантлива, – заметил брат.

– Да, она заставляет героев книг оживать.

– Нет, она сама становится этими героями. – И Реми подошел к Битси.

Я пошла за ним.

– Vous êtes magnifique⁵, – сказал Реми.

– Merci, – прошептала она, уставившись в пол.

Желая познакомить брата с мистером Прайс-Джонсом и де Нерсиа, я дернула его за рукав, но Реми этого не заметил.

– У вас, наверное, в горле пересохло, – продолжил он, обращаясь к Битси. – Не хотите ли пойти выпить citron pressé?⁶

Я впервые увидела, чтобы он уделял такое внимание женщине. По меньшей мере шесть моих соучениц старались подружиться со мной, чтобы познакомиться с Реми. Но когда я знакомила его с кем-нибудь из девушек, брат держался вежливо, слушал, но сам разговор не начинал.

Я понадеялась, что Битси примет его приглашение. Ничего ведь не случится страшного, если она уйдет с работы пораньше, всего один раз.

Битси положила руку на его локоть. Он прикрыл глаза на долю секунды дольше, чем если бы просто моргнул, – это была молчаливая благодарность – и увел Битси. Чувствуя себя забытой, я постаралась объяснить себе, что это вполне естественно, просто Реми был увлечен девушкой. Они совсем не нарочно оставили меня здесь.

Борис легонько похлопал меня по спине.

– Есть хорошая новость, – сказал он. – Мы жертвуем книги.

– А есть и плохая?

– Их больше трехсот, и вам придется их рассортировать.

Он протянул мне список, и я, читая названия, вернулась из страны жалости к самой себе. Ладно, визит Реми закончился не так, как я ожидала. Ничего, все в свое время.

– Когда я узнала, что библиотека отправила сотни книг в университеты, то сочла это замечательным. Конечно, это было до того, как мне пришлось их упаковывать! – пошутила я.

– Уж лучше вы, чем я! – засмеялся Борис.

В задней комнате громоздились пустые ящики и стопки книг.

– Счастливого пути, – говорила я переплетам, укладывая в ящики книги для Американского колледжа в Тегеране.

Другие отправлялись в Морской институт в Италии, третьи, четвертые и пятые должны были вместе уехать в Турцию. Мне казалось, что прошли уже часы, а на самом деле – всего десять минут. Мне предстоял бесконечный одинокий день.

В дверь постучали.

– Я спросила человека у стойки, куда вы исчезли, и он отправил меня сюда, – сказала Маргарет, входя в комнату.

– Буду рада компании. Вы не против немного помочь? – спросила я, но тут заметила, что на ней розовое шелковое платье.

---

⁵ Вы великолепны (*фр.*).

⁶ Лимонад (*фр.*).

Если бы она осталась здесь, платье насквозь пропылилось бы, да и в любом случае женщины в платьях от кутюрье не работают.

– Почему бы и нет? Мне все равно нечем заняться.

Я предложила привести ее дочку, но Маргарет сказала, что Кристина, похоже, рада остаться в компании с Элен и ее отцом. Я показала Маргарет, как находить на каждом томике пункт назначения. Она грациозно двигалась между ящиками, аккуратно укладывая книги.

– *Bon voyage*⁷, – шептала она каждой из них.

Я устала на нее.

– Вам, наверное, кажется, что я сумасшедшая, если разговариваю с книгами, – сказала она.

– Ничуть.

– *Bon voyage* – это все, что я помню из школьного французского. Моя мать была права: мне следовало учиться старательнее.

– И сейчас еще не поздно! Я вас научу нескольким фразам. *Bon vent* значит «попутного ветра». Мы так говорим, когда желаем кому-то успеха или удачи. А *bon courage* говорим, когда желаем быть храбрыми.

– *Bon courage!* – пожелала Маргарет справочнику по химии.

– *Bon vent!* – сказала я учебнику математики.

Мы хихикали, желая книгам всего наилучшего.

– Что привело вас в Париж?

– Мой муж – атташе в Британском посольстве.

– О, прекрасное общество!

– Скорее, злобный круг, – поморщилась она. – Ох, только никому не говорите, что я так сказала! Вы можете понять, почему я не дипломат.

Неожиданно смутившись, Маргарет снова принялась сортировать книги.

– Вы же должны посещать светские мероприятия, – сказала я, надеясь, что она мне что-нибудь расскажет о них.

– Да... Вчера был чай в резиденции датского посла, но мне куда интереснее здесь.

– Как такое возможно? Вы ведь встречаетесь там с людьми со всего света!

– Их интересует мой муж, а не я. – По ее нарумяненным щекам вдруг поползли слезы. – Я так скучаю по маме, по подругам...

Я просто не знала, как реагировать. Мисс Ридер говорила, что иностранцы в Париже часто тоскуют по дому и что наши служащие могут помочь им справиться с чувством одиночества.

– Ох, я совсем не хотела... – Маргарет аккуратно вытерла слезы. – Моя матушка называет меня прохуdivшимся чайником.

– Скоро она начнет называть вас *la Parisienne*. Парижанкой. – Я опустила крышку на последний ящик. – Вы очень мне помогли.

– Правда?

– Вам следует стать нашим волонтером.

– Но я ничего не умею. Что, если я наделаю ошибок?

– Это же библиотека, а не операционная! Никто не умрет оттого, что вы поставите книгу не на то место.

– Я не уверена...

– У вас здесь появятся друзья, а я буду учить вас французскому.

Я проводила Маргарет во двор, где ее дочь играла с Элен. На город опустились сумерки, переползли через стену сада на лужайку, мимо плюща в большом вазоне, подбираясь к библио-

---

⁷ Счастливого пути (*фр.*).

теке. Скоро станет совсем темно, и лампы в читальном зале уже ярко горели. Сквозь окно мы с Маргарет видели, как мадам Симон тайком огляделась по сторонам, прежде чем вытащить из своей сумки пуделя. Она положила его к себе на колени, а профессор Коэн стала почесывать песику живот. Поглощенные приятным занятием, они не заметили в углу Бориса и его жену Анну, склонивших головы. Эти двое никогда не прикасались друг к другу на людях, но их окружало нежное облако любви. Мисс Тернбулл, прижав к губам костлявый палец, шикнула на каких-то студентов. Бедняга помощник Питер нырнул за стеллажи, чтобы скрыться от матроны, преследовавшей его, как дичь. Наблюдая за ним, наша бухгалтер зажала рот ладонью, чтобы не засмеяться вслух.

Во взгляде Маргарет, наблюдавшей за всеми этими сценками, светилась жадная тоска. И что-то подсказывало мне: Маргарет нуждается в нашей библиотеке. И что-то говорило мне: она нужна библиотеке. Наша беседа над пыльными книгами текла свободно, как Сена. И я очень надеялась, что Маргарет присоединится к нам.

Глава 9. Одиль

Париж, июнь – июль 1939 года

Шла неделя экзаменов, все столы в библиотеке были заняты, кроме одного места. Месье Грожан, в оранжевых наушниках, встал посреди читального зала. Наблюдая за ним, мы с Борисом сосредоточились.

– Что этот наш нестандартный друг намерен делать? – спросил меня Борис.

– «Зовите меня Ишмаэль, – начал читать вслух месье. – Много лет назад – не важно, сколько именно, – почти не имея денег в кармане и ничем не занятый на берегу, я подумал, что мог бы отправиться в плавание и увидеть морскую часть мира...»

Когда Борис показал ему на пустой стул, предлагая сесть и читать про себя, месье ответил:

– Будь я проклят, если я сяду рядом с этими надушенными еврейками!

Мисс Ридер подошла к нему, нахмурившись и сжав губы. Я впервые видела ее разгневанной. Месье отступил на шаг назад.

– Я вас выгоню сию минуту! – коротко бросила она.

Директриса окинула взглядом молодых женщин – студенток Сорбонны – и извинилась, пообещав, что они смогут заниматься спокойно.

– В этой библиотеке не место для подобных речей! – предостерегла она месье Грожана.

– Я говорю то, что другие думают, – пробормотал он.

– Подумайте еще разок, – ответила мисс Ридер.

– Не указывайте мне, что делать! – Месье взмахнул рукой, чуть не задев директрису.

Борис схватил месье Грожана за руку и потащил к двери. В вязаном жилете, с галстуком, Борис оказался на удивление ловок в роли вышибалы.

– Я хотел прочесть отрывок о сыром и дождливом ноябре в моей душе!

– Какой еще душе? – спросил Борис.

– Отпустите меня...

– Вы не жертва, – сказал Борис, выталкивая месье наружу. – Вы просто неприятный человек, который оскорбляет многих людей. Еще слово – и вы никогда больше сюда не войдете.

Мисс Ридер успокаивала читателей, встревоженных инцидентом, а я решила пойти посмотреть, как там Борис. Я нашла его в дальнем конце двора, рядом с пунцовыми розами, с которыми смотритель разговаривал, как со своими детьми. Борис прислонился к стене, крепко сжав в пальцах сигарету «Житан».

– Ça va?

Он не ответил. Я прислонилась к стене рядом с ним, и мы стали наблюдать за клубами дыма, поднимавшимися в воздух.

– После революции я был вынужден проститься со своей страной, – наконец заговорил Борис. – Было очень тяжело уезжать, но мы с братом верили, что здесь мы найдем лучший, более разумный мир. Разве Франция не страна Просвещения? В России многих людей убили в погромах. Нашего соседа убили просто за то, что он был евреем. Так что когда я слышу подобные речи...

– Мне жаль...

– Наверное, ненависть вездесуща. – Он глубоко затянулся сигаретой, и, когда выпустил дым, это походило на тяжелый вздох. – Даже в нашей библиотеке...

Папá был прав. Работа с людьми могла деморализовать. Возвращаясь домой на автобусе, я погрузилась в страницы моего преданного друга, 813, «Их глаза видели Бога». Я повернула книгу к окну, чтобы поймать слабый свет. «Она знала то, чего ей никто никогда не говорил.

Например, слышала слова деревьев и ветра. Она часто беседовала с упавшими на землю семенами: „Ох, надеюсь, вы упали на мягкую землю“, потому что слышала, как семена переговариваются друг с другом. Она знала мир жеребцов, играющих на голубых пастбищах небес. Она знала, что Бог каждый вечер разрушает старый мир, а на рассвете создает новый. И это было прекрасно – видеть, как мир обретает форму вместе с солнцем и восстает из серой пыли мироздания. Знакомые вещи и люди обманули ее ожидания, и потому она медлила у ворот, высматривая дорогу к бегству...»

Когда автобус со скрипом остановился на красный свет светофора, я оторвалась от книги.

Где это мы? Я поискала взглядом знакомые ориентиры – и увидела отцовский комисариат, огромное, унылое здание. Я оказалась далеко от дома, но, может быть, я смогла бы вернуться с папá, если он еще на службе. Я окинула взглядом улицу, высматривая его автомобиль, но увидела самого папá, в низко надвинутой на лоб фетровой шляпе, а рядом с ним – какую-то женщину. Возможно, он утешал сейчас жертву преступления, например ограбленную лавочницу... Тут я заметила вывеску на здании за их спинами – отель «Нормандия». Нет, это, наверное, портье или горничная. Папá усмехнулся каким-то словам женщины и поцеловал ее – не в щеку, а в губы, крепко.

Как он мог так поступить с маман? Эта шалава даже хорошенькой не была, у нее были редкие волосы и толстые щеки. К счастью, светофор загорелся зеленым, и автобус потащился дальше по булыжной мостовой, увозя меня от них.

Чувствуя себя совершенно больной, я вышла на следующей остановке. Шагая домой, я пыталась найти смысл увиденного. Как давно это продолжается? Что такого сделала маман, чем она это заслужила? Или она чего-то не сделала? Я перелистывала страницы своей памяти. Как-то вечером маман сказала, что папá предпочитает ужинать вне дома. Она имела в виду именно это?

В прихожей я бросила сумку с книгами и громко позвала Реми. Он читал «О мышах и людях».

– Стейнбек подождет! – заявила я ему.

Мы спрятались в нашем тайном местечке, подальше от родителей, подальше от всего мира, под моей кроватью, куда даже свет не проникал. Реми, а за ним и я растянулись на паркете. Было приятно вернуться в детство, скрыться в том последнем месте, где нас стали бы искать.

Почти задыхаясь, я выпалила:

– Папá был с женщиной! Не с маман!

– А чему ты удивляешься?

Беспечность брата поразила меня так же сильно, как картина – папá рядом с девкой.

– Ты знал? И почему не сказал?

– Мы вовсе не обязаны выкладывать друг другу все подряд.

И с каких это пор?..

– У важных мужчин всегда есть любовницы, – продолжил Реми. – Это знак статуса, вроде золотых часов.

Неужели Реми действительно в это верил? А Поль? Мне роман папá казался предательством, и не только по отношению к маман, но и по отношению ко всей нашей семье. Как мог Реми не понимать этого? Я посмотрела на него, но не смогла разгадать, что написано на его лице. Я не знала, что он думает. Не знала, что думать мне. Я схватилась пальцами за пружины матраса.

– Битси говорит, что часть взросления – это осознание того, что у твоих родителей есть собственная жизнь и собственные желания, – сказал Реми.

Битси говорит.

Я вспомнила другой случай, когда мы с Реми не поняли друг друга.

В то лето, когда нам исполнилось по девять лет, брат из-за воспаления легких слег в постель, и маман оклеивала его грудь горчичниками, чтобы облегчить кашель. Я сидела с ним – читала ему вслух или просто смотрела, как он дремлет, и так было каждый день, кроме воскресенья, когда мы с маман отправлялись на мессу с дядей Лионелем и тетей Каро. Мне нравился дядя Лионель, потому что он всегда говорил, что ему хотелось бы иметь дочку вроде меня. Это заставляло тетю Каро хныкать, а маман твердила ей, что вскоре Господь благословит их младенцем. Но маман, которая утверждала, что она всегда права, на этот раз, как выяснилось позже, оказалась права лишь наполовину.

Когда мой дядя перестал посещать мессу, тетя Каро весьма многословно объясняла, что он подхватил грипп или ему понадобилось встретить клиента в Кале, и никому в голову не приходило, что дело здесь нечисто. Когда мы в последний раз все вместе выходили из церкви, маман даже сказала:

– Я рада, что мы только в женской компании.

Я ушла вперед, мечтая уже о десерте.

– Хорошо, что ты этим довольна, – заметила тетя Каро. – Потому что у меня есть кое-какие новости...

В ее голосе послышалось такое раздражение, что я остановилась. Я не стала оглядываться. Я не хотела, чтобы маман обвинила меня в подслушивании.

– Лионель очень отдалился от меня, – продолжила тетя Каро.

– Отдалился?

– Я заподозрила, что у него появился кто-то еще. И когда я спросила, он признался, что у него есть любовница.

– Это обычное дело в нашем мире, – сказала маман. – Меня удивляет лишь то, что он честно в том признался.

Она произнесла это с такой горечью, что я обернулась. Но никто не заметил.

– Ему пришлось... – Глаза тети Каро наполнились слезами. – Он ее обрюхатил. И я подала на развод.

– Развод... – Маман побледнела. – И что мы скажем людям?

Первой мыслью маман всегда было: «Что люди подумают?» Она нервно оглянулась на монсеньора Клемента, стоявшего на церковном крыльце.

– Это все, что ты можешь сказать? – спросила тетя Каро.

– Ты не сможешь посещать мессу!

– Очень жаль, но я ведь смогу читать Священное Писание дома. Идем.

Маман не тронулась с места.

– Ты должна вернуться домой.

– Я надеялась остаться у тебя.

– Ты должна вернуться в свою квартиру.

– Не могу. Лионель перевозит ее туда.

– Это не мое дело.

Было просто ужасно видеть ненавидевшую всякие стычки маман, говорящей такое прямо перед церковью, на глазах Господа и людей. Как могла она быть такой жестокой с родней по плоти и крови?

– Пожалуйста... – заговорила тетя Каро. – Мне не вынести одиночества...

Взгляд маман метнулся в мою сторону. Я ожидала, что она обнимет свою сестру, как обнимала меня, если я падала и обдирала коленку, но маман произнесла:

– Я не хочу, чтобы на моих детей оказывали дурное влияние.

Разведенные были даже хуже падших женщин. Моя матушка верила в то, во что велела ей верить Церковь, но разве не могла она сделать исключение для сестры?

– Мне просто некуда идти, – сказала тетя Каро. – У меня совсем нет денег.

– Пожалуйста, маман, – попросила я.

Но ее лицо лишь стало еще жестче.

– Развод – это грех!

– Но мы ведь можем попросить прощения за этот грех на исповеди, – заметила я.

Когда маман не могла победить с помощью логики, она применяла силу. Схватив мою руку, она потащила меня по улице к дому. Я оглянулась на тетю Каролину. Она смотрела нам вслед, прижимая к груди дрожащую руку.

Когда мы вернулись домой, я сразу бросилась к комнате Реми, но едва схватилась за дверную ручку, как передо мной очутилась маман:

– Не расстраивай брата!

Через несколько дней я спросила о тете Каро, уверенная, что маман смягчится. А она ответила:

– Еще раз упомянешь ее имя – и я выгоню тебя из дома!

Я поверила ей.

Две недели я хранила молчание, или молчание хранило меня. Но наконец, не в силах больше таиться от Реми, я присела на его кровать. Брат был бледен, и я знала, что он измучен непрерывным кашлем, сотрясавшим его тело.

– Из-за этих горчичников ты пахнешь как воскресное жаркое, – поддразнила я его.

– Очень смешно.

– Извини.

Я протянула руку, чтобы растрепать ему волосы. Если он позволит, значит простил мою шутку. Если нет – значит все еще сердится.

Он позволил.

– Тебе лучше?

– Вообще-то, нет.

– Ох...

Я не осмеливалась рассказать, ведь маман предупредила, что нельзя огорчать Реми. Мы с родителями жили в страхе перед рецидивом болезни. Мы разговаривали шепотом, когда думали, что Реми спит, мимо его комнаты проходили на цыпочках...

А в чем дело? – почувствовала я его вопрос.

Ни в чем, – ответила я.

Расскажи, – настаивал Реми.

Да, иногда мы общались именно так.

Он внимательно слушал, пока я выплескивала свою боль. Я верила, что любовь нашей мамушки льется независимо от условий, а она вдруг ее выключила, как водопроводный кран. И что теперь будет с нашей тетей?

– Маман говорила, что тетя Каро хотела вернуться в Макон, – медленно произнес Реми. Я вскинула голову. Хотела?..

– Тогда почему она не попрощалась с нами? – возразила я. – Почему не пишет?

И на этот раз у моего болтливого братца не нашлось ответа.

– Ты предпочитаешь верить в то, что тебя устраивает, а не в то, что есть на самом деле, – обвиняюще заявила я.

– Ты, должно быть, чего-то не поняла. Маман не может быть настолько жестокой.

Его отказ верить мне был таким же угнетающим, как отказ нашей матери от родной сестры.

– Тебя там не было, – сказала я. – Изображал больного, как всегда.

Реми покраснел. Он сел и открыл рот. Я напряглась, ожидая, что он меня стукнет. Но брат зашелся тяжелым кашлем, на его губах появилась кровь. Растерявшись, я протянула ему

свой носовой платок и стала гладить по спине, и все мысли о том, чтобы победить в споре, вылетели из моей головы.

Два месяца спустя Реми снова стал ходить на мессу. Как и маман, он с нежностью опускался на колени перед распятием, убежденный в том, что лишь вера помогла ему одолеть болезнь. Я позволяла ему верить в то, в чем он нуждался. Я уже научилась тому, что любовь не обладает терпением, любовь не обладает добротой. Она зависит от обстоятельств. Самые близкие люди могут повернуться к тебе спиной, распрощавшись из-за того, что выглядело чистой ерундой. И тебе придется тогда полагаться лишь на себя.

Моя страсть к чтению росла – книги никогда не предавали. И пока Реми тратил карманные деньги на сладости, я свои сберегала. Брат был шутом в классе, я добила первого места в выпуске. Когда его друзья приглашали меня куда-нибудь, я отказывалась. Любовь меня не интересовала. Я должна была получить профессию, найти работу и копить деньги, чтобы тогда, когда случится неизбежное, обойтись своими силами.

С туманом в глазах после беспокойной ночи я старалась, как могла, помогать читателям. У папá была любовница, Реми каждую свободную секунду проводил с Битси, а Поль так и не вернулся, чтобы повидаться со мной. Я остановилась у стола абонемента, надеясь, что у Бориса найдется книга для меня.

– Вы сегодня бледноваты. – Он протянул мне 891.73. – Идите в «Загробную жизнь», там вас никто не побеспокоит.

Прижимая к груди томик Чехова, я ускользнула вверх по лестнице, мимо ученых на втором этаже, которые не замечали, что уже наступила весна, на безмятежный третий этаж, где хранились книги, которые нам очень редко приходилось выдавать, – в «Загробную жизнь».

Пока я не спеша шла между стеллажами, тишина наполняла меня покоем. Спрятавшись между книгами, я прочитала: «У него были две жизни: одна – явная, которую видели и знали все, кому это нужно было... и другая – протекавшая тайно»⁸.

Нам никогда не дано познать тех, кого мы любим, а они никогда не узнают нас. Это было душераздирающе, это было правдой. Но всегда было и утешение: читая истории о других людях, я знала, что не одинока.

– Вот вы где! – воскликнула Маргарет.

Ее лицо, обычно безупречно напудренное, блестело от усилий работы с тяжелыми томами и от удовлетворения. Робкое, чувствующее себя ненужным существо, с которым я когда-то познакомилась, превратилось теперь в уверенную в себе, способную женщину.

– Чем вы сегодня заняты?

– Переставляю на новые места энциклопедии, – потирая плечи, ответила Маргарет. – Для работы здесь нужна сила.

– Вы очень добры, уделяя нам так много времени.

– Это нетрудно, если вы верите, а я верю в вашу библиотеку.

Я подумала о том, чтобы отдать свое сердце Полю...

– А что, если вы ничего не получаете взамен?

– Не уверена, что, отдавая, следует чего-то ждать. – Маргарет насмешливо посмотрела на меня. – А вы что здесь делаете в полном одиночестве?

– Занимаюсь инвентаризацией.

– Вид у вас невеселый.

– Со мной все в порядке.

– Да, это я вижу, – беспечно произнесла она. – Здесь, наверху, очень душно. Вам нужно плотнуть свежего воздуха.

---

⁸ А. П. Чехов. Дама с собачкой.

Оказавшись снаружи, с «Дамой с собачкой» под мышкой, я повела Маргарет в боковые улочки.

– Куда мы идем? – спросила она.

Я нахмурилась. Находится ли участок Поля на рю Вашингтон?

Мне приходилось видеть неудавшуюся любовь. Теперь я хотела видеть удавшуюся. Мне необходимо было знать, чувствует ли Поль то же, что и я? У меня теперь была работа, я становилась все более независимой. Надо рискнуть.

– Все в порядке?

– Я...

Я не знала, как выразить свои чувства, да и в любом случае Маргарет была космополиткой, вряд ли ее могли заинтересовать мои проблемы.

– Вы хотели бы пойти на прием в посольстве в День взятия Бастилии?

Я повернулась к ней:

– Вы серьезно?

– Конечно! Мне хочется немножко вас развеселить. Заходите ко мне домой, мы вместе соберемся. Вы можете позаимствовать одно из моих платьев... Ну, если вдруг у вас нет подходящего...

Я уже почти не слышала ее. Я увидела здание участка. Ура! Я резко остановилась. Маргарет опасливо посмотрела на забранные решетками окна. Когда из здания вышли несколько красавчиков-полицейских, ее лицо осветилось пониманием.

– Вы, случайно, не надеетесь увидеть одного из ваших читателей? Полагаю, он все-таки констебль, а не грабитель!

– Так и есть.

– Идемте поздороваемся.

– Папá это не понравилось бы. Он говорит, в участках полно преступников.

– Ваш отец здесь?

– Нет.

– Тогда я не вижу, почему мы не можем войти!

Она преспокойно открыла деревянную дверь и втолкнула меня внутрь.

Тусклый свет с трудом пробивался сквозь сигаретный туман. Сидевший на скамье прямо рядом со мной мужчина в одной рубашке злобно покосился на меня. Я прижала к груди томик Чехова. Мужчина придвинулся ближе ко мне, я отступила в сторону. Может быть, Поль примет предложение папá и больше не будет работать здесь. А может, он никогда здесь и не работал. Я просто идиотка! Мне не следовало сюда приходить. Повернув к выходу, я вдруг ощутила чью-то руку на своем локте. Я отпрянула, готовая двинуть наглеца Чеховым, но вместо того увидела озабоченные голубые глаза.

– Когда я мечтал о том, чтобы снова увидеть вас, то никак не думал, что это случится здесь, – произнес он.

Я опустила книгу:

– Вы хотели увидеть меня снова?

– Конечно. Но после того, как я смутил вас перед начальством...

– Вы меня не смущали. В любом случае мы скучаем по вас... в библиотеке.

– Я тоже скучаю... по библиотеке.

Я ждала, что он скажет что-нибудь еще, но, когда он промолчал, заговорила сама:

– Мне пора идти. Меня ждет подруга...

– Моя смена только что закончилась, могу я пригласить вас обеих перекусить?

В бистро шеголеватый официант в черном блейзере и галстук-бабочке отвел нас к тихому столику у задней стены, подальше от копов, которые уставились на нас поверх кружек

с пивом. Хотя ни один из них не показался мне знакомым, я подумала, не приходил ли кто-нибудь из них к нам на воскресный обед.

С кухни доносился аромат печеных яблок, от которого рот наполнялся слюной.

– Чем это так потрясаяще пахнет? – спросила Маргарет.

– Перевернутый торт с яблоками, – ответила я. – Третий из моих любимых десертов, после профитролей и шоколадного мусса маман.

– Четвертый из моих любимых, – добавил Поль.

– Я никогда не пробовала, – сообщила Маргарет, – но уверена, что он станет моим новым любимчиком.

Внезапно смутившись, я смахнула с клетчатой скатерти хлебную крошку. Маргарет одними губами произнесла: «Поговори с ним!» Молчание становилось все громче, пока я придумывала, что сказать. Наверное, я могла бы спросить Поля о его работе. Я подумала о папá, который возвращался со службы домой в дурном настроении и жаловался на разных негодяев, с которыми ему приходится иметь дело. Мы с Реми никогда не могли понять, говорит он о преступниках или о коллегах.

– А почему, собственно, вы решили стать полисменом? – наконец выпалила я.

– Одиль имеет в виду, что это ведь такая опасная работа, – поддержала меня Маргарет. – Она мне рассказывала, как сильно восхищается людьми в синих мундирах.

– Я всегда хотел этим заниматься, – ответил Пол. – Помогать людям, защищать их.

– Как это благородно! – воскликнула Маргарет.

– А с чего вдруг вы решили стать библиотекарем? – спросил Поль, и в его глазах сверкнули étincelle, озорные искры.

– Книги иной раз нравятся мне больше, чем люди.

– Да, книги не лгут и не воруют, – согласился Поль. – На них можно положиться.

Я была удивлена и тронута, услышав эхо собственных чувств и мыслей.

– А что вы любите читать? – поинтересовалась я.

– Это для вас или для информационного бюллетеня библиотеки?

Я ощутила, как мое лицо вспыхнуло от гордости.

– Вы читали мои бюллетени?

– Мне понравился ответ мисс Уэдд, и я заглянул в старину Гераклита.

– «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку», – одновременно произнесли мы.

– Я спрашиваю для себя, – неловко произнесла я.

– Мне нравится в основном документальная литература. В особенности по географии. И я снова наслаждаюсь изучением английской грамматики, мне интересны правила. Наверное, потому, что мне нужно что-то настоящее. – Я готова была возразить, что романы могут оказаться правдивее самой жизни, но он продолжил: – Возможно, это потому, что я много времени провожу с преступниками, которым плевать на все правила. Уголовникам плевать, кому они причинят боль. И они сочиняют отличные истории, так что просто хочется поверить, будто у них были причины сделать то, что они сделали. И это тяжело, когда узнаешь: тот, кому ты поверил, солгал тебе в глаза.

– Это тяжело, – согласилась я, подумав о папá и его девке.

Официант откашлялся. Я и забыла, что мы находимся в людном ресторане, что рядом сидит милая Маргарет. После того как le serveur принял у нас заказ, Поль заговорил с Маргарет на английском, с запинками:

– Я не уверен, что смог бы жить так далеко от дома. Я восхищаюсь вами.

– Это очень любезно с вашей стороны, – ответила она. – Я ужасно тосковала по дому, но потом познакомилась с Одиль.

– Маргарет чрезвычайно помогает нам в библиотеке.

Порозовев, она сказала:

- А у вас есть уже планы на отпуск?
- Я каждое лето помогаю моей тетушке на ферме, – ответил Поль.
- Рядом с Парижем? – спросила Маргарет.
- В Бретани.
- Так вы уезжаете? – с грустью спросила я.

Официант принес наши *steak frites*⁹, но мне уже не хотелось есть, и я лишь ковырялась в тарелке.

После ужина Маргарет поблагодарила Поля и поймала такси. А он в мягком свете уличных фонарей проводил меня до дома. Я не знала, следует ли мне идти быстро, как обычно, или приноровиться к его шагу. Я не знала, сунуть мне руку в карман или просто опустить, чтобы он мог ее взять, если захочет. Поднимаясь по ступеням, я гадала, наклонится ли он ко мне, соприкоснутся ли наши губы, смогу ли я вдохнуть его, как воздух... Но на площадке он не придвинулся. Я скрыла разочарование, наклонив голову, чтобы найти ключи, затерявшиеся на дне моей сумки.

Когда я пыталась вставить ключ в замок, Поль коснулся моего запястья. Я застыла.

– Я хотел пригласить вас погулять, – сказал он.

– Да?

– А потом ваш отец предложил мне работу.

Я уронила ключ.

Я понравилась Полю из-за папá. Какой же душой я была, явившись к нему в участок! Меня замутило. Нужно было перешагнуть порог и захлопнуть дверь между нами. Я наклонилась, мои пальцы коснулись ключа, но Поль оказался проворнее, он одной рукой схватил ключи, другой – мой локоть.

– У меня достаточно знаний, – продолжил он, заставляя меня выпрямиться. – И если честно, мне нужно повышение, чтобы иметь более достойные средства.

Я уставилась на маленькую голубую пуговку на его рубашке:

– Поздравляю. Когда приступаете?

– Я отказался.

– Отказались?

– Мне не хотелось, чтобы вы усомнились в моих чувствах.

Мое сердце расцвело. А Поль прижался губами к моим губам. Поначалу мои губы сжались, как у какой-нибудь старлетки в кино, а потом раскрылись перед лаской его языка. Когда Поль поднял голову, я уставилась на него в изумлении, чувствуя, что в процессе этого томного поцелуя я могла бы свалиться напрямик в текст «Грозового перевала» Эмили Бронте.

В День взятия Бастилии, когда я пришла в квартиру Маргарет, дворецкий проводил меня в гостиную, где на меня уставились портреты высокомерных мужчин. Испуганная, я направилась к стоявшему в углу роялю размером с папин автомобиль. Мои нервные пальцы коснулись клавишей, взяв несколько нот. Никто из моих знакомых не имел дворцового или рояля. Это были элементы романов, а не реальной жизни. Из окна я видела церковь с позолоченным куполом, ту, в которой похоронен Наполеон. Да уж, соседи здесь были важными. Дома мы редко открывали окна, потому что с вокзала постоянно летела угольная пыль. Низкие потолки делали нашу темноватую квартиру уютной в хорошие дни и мрачной – в плохие. Окно моей спальни выходило на здание напротив – в десяти футах от нас, – и я прекрасно видела белье, сохнувшее над ванной мадам Фельдман. Солнечный свет и прекрасные виды были просто роскошью. Маргарет совсем не была такой уж робкой, как мне казалось.

---

⁹ Бифштекс с жареным картофелем (*фр.*).

– Мы заставили вас ждать? Кристина ни за что не хотела вылезать из ванны, – сказала Маргарет, державшая на руках дочь.

Малышка спрятала лицо в воротник блузки Маргарет, и я видела только влажные кудряшки.

– Мы с тобой встречались на Часе чтения, – напомнила я Кристине. – Это мое самое любимое время за всю неделю.

Она вскинула голову:

– Мое тоже!

За Кристиной пришла няня, и я следом за Маргарет отправилась через ее спальню в гардеробную, которая оказалась размером с кабинет мисс Ридер. Вдоль одной стены висели дневные платья из модных домов, вдоль другой – вечерние, и каждое стоило, пожалуй, больше моего годового жалования. Трудно было поверить, что одна женщина может иметь такое их количество, и, уж конечно, невозможно было не разинуть рот. Какие краски! Яблочно-красное, сливочно-белое, цвета лакрицы... Я не могла удержаться от того, чтобы потрогать каждое платье.

– Почему бы вам не примерить какое-нибудь?

– Ох, не знаю...

Я не могла выбрать, и Маргарет сама подала мне черное платье. Я приложила его к себе и закружилась по гардеробной.

– Идемте! – позвала я Маргарет. – Чего вы ждете?

Она сдернула с вешалки зеленое платье и присоединилась ко мне. Я стала напевать песенку Эдит Пиаф, и Маргарет тоже запела. Мы кружились, пели и хихикали, но наконец выдохнулись и упали на скамейку под шелковыми платьями.

– Я помешал?

Мужчина говорил на английском с сильным французским акцентом. Его тонкие черные усы могли бы поспорить с провокационными усами Сальвадора Дали.

Мы с Маргарет встали, и она нас познакомила.

– Enchanté¹⁰, – сказал он мне.

Это был стилист Маргариты. Из-за важной клиентуры в светских хрониках его называли королевским мастером. Он не спрашивал своих клиентов, чего они хотят. Он сам знал, что именно должно быть сделано. Я предложила Маргарет скучные дни разборки книг, а она взамен познакомила меня с самым популярным в Париже стилистом.

Маргарет заставила меня примерить черное платье, чтобы ее горничная смогла подогнать длину, а потом усадила перед туалетным столиком в стиле ар-деко.

– Поль – чудесный парень, – сказала она, когда месье Зет принялся за мои волосы.

– Вы думаете, у нас с ним найдется много общего? Он полисмен, а я... ну, это я.

– Лоуренс и его приятели из Кембриджа умеют декламировать сонеты. Но это не значит, что им хоть что-то известно о любви. Поль явно готов заботиться о вас, а это намного важнее, чем его служба или книги, которые он читает.

Мне бы следовало сказать, что я ценю ее слова, но месье Зет начал массировать мою голову, и я отдалась наслаждению. Я и не осознавала, насколько была встревожена расцветавшим чувством к Полю, болезненной отстраненностью Реми, тем, что отец забывал о нас из-за своей любовницы, – пока это напряжение не растаяло. Когда маман подстригала мне волосы, ее расческа бесцеремонно прорывалась сквозь путаницу. Месье Зет проникал в мои пряди, как горячий нож в масло.

Моими волосами впервые занялся профессиональный мастер, и я была зачарована тем, как ловко месье накручивал волосы на горячие щипцы, создавая море легких волн.

---

¹⁰ Приятно познакомиться (*фр.*).

Когда он закончил, красиво взмахнув руками и воскликнув: «Voilà!» – Маргарет заявила: – В точности как Бетт Дэвис. Вы способны любую женщину превратить в роковую!

Когда месье Зет укладывал волосы Маргарет в затейливый пучок на макушке, она спросила меня:

– Как вы думаете, у мисс Ридер есть кавалер?

– На празднике в библиотеке ее сопровождал посол.

– Говорят, Билл Буллит – мастер переговоров, но слишком любит флиртовать. Я знаю одного норвежского консула, который отлично подошел бы ей. Я посоветую ему записаться в вашу библиотеку.

– Ему придется встать в очередь.

Когда месье Зет завершил прическу Маргарет, она, не глядя в зеркало, посмотрела на меня:

– Что вы думаете?

– Потрясающе! – искренне воскликнула я. – Во всех отношениях.

Маргарет порозовела, а я подумала, давно ли она в последний раз слышала комплименты.

– Лоуренс заново в вас влюбится, – сказала я.

– Едва ли... он очень занят.

– Слишком занят, чтобы сказать вам, как вы красивы?

– Не все видят меня так, как вы.

Она встала, так и не глянув в зеркало.

Маргарет надела зеленое платье без бретелек и подала мне укороченный для меня туалет. Шелк скользнул по моей коже, и это было совершенно не похоже на колючую шерсть, которую я носила зимой, или жесткий летний лен. Она застегнула на мне молнию, и я, увидев свое отражение в зеркале, на мгновение задохнулась от восторга. Мои собственные платья висели на мне мешком. А это обхватило мою талию, подчеркнуло бюст. Я даже не подозревала, что он у меня есть. И хотя я твердила себе, что лиф слишком тесен, но понимала, что на самом деле холодное чувство, сжавшее мои ребра, было завистью. У Маргарет было так много всего, а у меня так мало...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.